

Е 96

Георгий
КНИМОВ

ЮГОРСКИЕ
СТРОФЫ

100

21354

Георгий ЕШИМОВ

ЮГОРСКИЕ СТРОФЫ

Избранные стихотворения

-0101286-

Москва 2007

Государственная
Библиотека
Югры

КО

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)

УДК-882

Е-91

Георгий ЕШИМОВ. *Югорские строфы*. М., «Московский Парнас», БМП, 2007, 176 стр.

Выход книги сургутского поэта Георгия ЕШИМОВА в «Библиотеке «Московского Парнаса» закономерен и заслужен. Поэт стоял у истоков нашего независимого альманаха, выпустил в нашем издательстве все свои основные сборники гражданской лирики.

Поэт живет в своем времени естественно и открыто. Ему в творчестве чужда даже малая напыщенность и модная ныне экстравагантность. Он не перестраивается и не перекрашивается в угоду сильному миру сего и, верю, никогда не отречется от эпохи, которая его родила и сформировала как личность.

«Московский Парнас» искренне желает книге доброй встречи с читателем, ценящим в поэзии её гражданский пафос, глубину мысли и искренность чувства — то, что делает стихи Поэзией.

*Леонид ХАНБЕКОВ,
критик, вице-президент Академии
российской литературы*

ISBN 978-5-7330-0544-9 © Ешимов Г.К.

© «Московский Парнас»,
состав, оформление.

ОТКРЫТИЕ

*Пожертвуйте позой надменной:
Закладку рукой тербя,
По листику в день, постепенно
Откройте меня для себя.*

*За каждым листком этой книги,
Написанной только для вас,
Разомкнуты знаний вериги
Отмычкой «Московский Парнас».*

*И пусть от ошибки хранит вас
Мелодий прочитанный дух...
Откройте мой пыл и ранимость,
И к вам я — влюбленный — приду*

*По ветхозаветной дороге,
Потертою лирой звеня,
И стану на вашем пороге —
Откройте себя для меня.*

«ПРОЛОГ»

* * *

✓
Источник вдохновения — Югра,
Сюжетов — на роман,
Добра — неизмеримо,
И прирастает больше, чем вчера,
Пуантами стуча,
Как прима-балерина.

4
Источник вдохновения — Югра,
Природным кладовым
Центральный вход открой-ка,
Не пожалей нам злата-серебра,
И вознесись загадочною тройкой.

И тянет всех к себе Ханты-Мансийск:
Седую профессуру из окраин,
Торговцев ловких,
Даже буровик, —
не гость, а привередливый хозяин.

Прошу и впредь
Не эконошь добра,
Будь щедрой к творчеству
Поэтов и вагантов...
Источник вдохновения — Югра —
Надежда всей страны
И оселок талантов...

ШУТКА

О.В.Тюкавкиной

Поедем, Ольга, на неделю в Ханты, —
Там отдохнём с тобою мы, как эмигранты...
Сорокин геофак в ЮГУ откроет,
И самых умных сургутян там станет трое.

За это Ханты назовут Югорской Троей,
А Филиппенко станет Гектором-героем,
И ты, конечно, Ольга, будешь Андромахой,
И будешь числиться премудрой черепахой...

Мы будем ключик золотой искать для виду,
И всяким персам Трою не дадим в обиду,
У Карабасов пусть вибрируют коленки, —
А мы ликуем под рукою Филиппенки!

ПОСЕЛОК ПИОНЕРСКИЙ СОВЕТСКОГО РАЙОНА

Автомобиль — не роскошь,
Промчится без разгона,
Одолевая разом
Распутицу и грязь...
Поселок Пионерский
Советского района
Проехали мы бодро,
На Запад торопясь.

Проехали, забыли,
Но вспомнили недавно,
Как в мае барабаном
Дружин равняли край, —
В ближайшем перелеске,
Зеленом разнотравно,
Мы гордых третьеклашек
В свой принимали строй.

Костер пылал недолго,
Но ярким и высоким
Был треугольный пламень,
Как галстук на груди,
И высыхали росы
На спорыше-осоке,
И было ясным небо
И всё, что впереди...

Я не ищу ответа,
Я это знаю твердо,
Что пламя душ превыше
Количества монет...
Поселок Пионерский

Советского района
Не зря в Югре зеленой
Окрашен в алый цвет!

Я б дальше не поехал,
Остался тут надолго —
В эпохе жизни прошлой,
Где в будущее — свет,
В поселке Пионерском
Советского района —
А в мире капитала
Прямой дороги нет...

ПЕРЕВОДЧИК

Славен слогом Айваседа —
Угро-финскими корнями
Прорастают сказки ненцев —
Сыромятьем каждый свит...
Шьет лесной охотник Велла
Саги древней Калевалы,
Предлагая деду повесть
О коварстве и любви.

Европейскую культуру, —
Вековечные заботы —
Не запрячь в оленьи нарты,
Сколько ни переводи...
С отравителем Сальери
Моцарт выйдет на охоту...
Деду это интересно:
«Что же будет впереди?...»

От Сургута до Ханты-Мансийска
«Метеор» очарованный мчит,
В лобовые оконца искристо
Изумрудное солнце летит.

С темнospинными рыбами спорят
Крылья судна в прозрачной воде,
А прибрежные тальники вторят
Монотонной поршней частоте.

Дебаркадер волною качает,
Брызжет радугой водная дробь,
И Мисне изумленно взирает
На Иртыш, догоняющий Обь.

ЛЕТО В ЮГРЕ

Июнь — Юваний — Ювеналий...
И даже солнце рано встало,
И вся в предутренней нирване
Бормочет женщина: «Шесталов...»

И разметались у Авроры
В любовной неге неустанны
Изведенные Тускароры
И покоренные Монбланы.

Пророк космический Шесталов,
Охотник быстрый Айваседа
Не воспоют любви усталой
Завоевателя-соседа.

Андрей Тарханов с Еремеем
Да Мазин солнечно-ларьякский
О лете рассказать сумеют
В беседе за ухой рыбацкой.

И Музу в странствии начальном
Поддержат доброй антитезой...
И так проскочит Ювеналий,
И, да восторжествует Цезарь!

*Юван Шесталов, Юрий Айваседа, Андрей
Тарханов, Владимир Мазин — югорские поэты.*

«РОДИНА»

ИПОСТАСИ

За бывшим Николаевским налево
Брусчаткой смят Васильевский простор,
Трамвайная спокойна королева,
Вагончик желтый мчит во весь опор.

Вот памятник Ивану Крузенштерну —
Задумчив, просто так не подходи,
Предмостье, как сражения арену,
Обозревает, руки на груди.

У парапета ялы и баркасы
Тоскуют без отважных моряков,
А будущие адмиралы-асы
Штудируют названья маяков.

Вот барк четырехмачтовый, и ванты
От бриза прибалтийского гудят.
Укутавши бушлатами, курсанты
Целуют очарованных девчат.

На полубаке имя Крузенштерна —
Известность на моря и на века,
А паруса, раздутые манерно,
Белее, чем на небе облака.

А дальше аттик — ряд колонн научных —
Кадетский бывший — Горный институт...
Земные и морские неразлучны
Две ипостаси-рельсы — мой маршрут.

РОДИНА

Темные доски крыльца —
Добрые руки отца,
На занавеске двери
Матери шов, посмотри!

Теплый домашний уют
Мыши кротам раздают,
Лавки, покрытые льдом...
Где ты, родительский дом?

Некому печь растопить,
Двери гостям отворить...
Ночь над погостом свежа —
Осиротела душа.

РОССИЯ — РУСЬ...

Край березовых зим,
Тополиного лета
И осенних осин,
Обагранных рассветом,

Замороченных снов,
Заколдованной сини
И соломенных солнц,
И просторов — Россия...

Я полянку найду —
Заросла земляникой...
И плашмя упаду,
И губами приникну...

В корневища уткнусь —
Здесь никто не растопчет...
Я — твой малый росточек,
Залесенная Русь...

НОСТАЛЬГИЯ

Ах, уж этот Питер
с жигулёвским пивом,
Русская Бавария
через каждый дом,
Возле входа в Горный —
греческое диво:
Прозерпину в воду
тащит Посейдон.

Помнишь общежитие
в розовом берете?
На Наличной улице
угол-гастроном?
Ты тогда мечтала
о другой планете,
Я с тобою еле-
еле был знаком.

Помнишь турпоходы
в Саблино, в пещеры:
Жесткая штормовка,
нежная рука?
Со сгущенкой сладкой
чай казался серым,
Мрачные вплывали
в душу облака.

Отложи вязанье,
милая, скорее,
Запахом варенья
юность оживёт:
Помнишь, я дежурил
в звездной галерее —

Ты тогда «по партии»
не сдала зачет?

Шпиль Адмиралтейства
и колонны-ростры...

Проводили праздники —
сладко вспоминать.

Утонул навеки
в нас Васильев остров,
И Невы под солнцем голубая прядь.

Грянул распоследний
факультетский литер:

Разлетелись птахи
по стране — лови!

Ах, уж этот Питер,
прибалтийский Питер, —

Юности подарок,
колыбель любви.

ПОЛЕ

Там Сорочинские ярмарки,
Там и Миргород с Диканькою,
И большой войною трачены
Малорусские гаи.
Гляньте, Николай Васильевич,
Не сюда ли прибегали вы
С бурсаками полупьяными
На кулачные бои?

Помнит поле затаенное
Запорожцев, шведов, гетмана...
И английские «Ланкастеры»
Приземлялись тут не раз,
Да с детьми из семинарии,
Из Софии — эх, пресветлая!,
Проезжал дымящий трубкою
Гетман куренной — Тарас.

Разленивая протащится
Кляча, слепнями помечена,
И уткнется, глухо фыркая,
В разнотравное жнивье:
Огорожено «колючкою»,
Рвом по краю изувечено,
Со скирдой соломы темною
Поле чистое мое.

ЛЕС

Лес под хутором Лиелпетери
Знатен соснами корабельными,
Лапы их — паруса в безветрие,
Опахала вам колыбельные.

С ним девчоночка зеленоглазая,
Быстроногая, диковатая,
Светлой силою перевязана, —
Неуемному гаму просватана.

Уезжала вся в росах утренних,
Приезжала с оравой маленьких,
Оживали тогда на хуторе
Все тропинки цветочком аленьким...

И звенели хрустально чистые,
Глухомани той непривычные:
Что поглуше, сильней — мальчишечьи,
Что позвонче, слабей — девичьи.

Подросли, и они разъехались,
Увели их дороги разные,
Позабылся родимый эхами,
Затаился, забытый праздником.

Но купальским прозрачным вечером
Его ветви тоской заломлены —
Лес под хутором Лиелпетери
Созывает своих паломников.

ЦЕПЬ

От росичей, кривичей
Горстью, песчинкой,
Костями безымянных бойцов
Земля возникала,
Ставала отчизной
С овальным славянским лицом.

Чернобыля гром
Подхватили зарницы —
Разорвана древняя цепь,
Расколот народ,
Меж родными границы —
Язвы на чистом лице.

И нет утешения
Сирым и слабым,
Единства утратившим нить, —
Над Новгород-Северским
Плач Ярославны,
И раненый ангел летит...

ДОЖИНКИ

Вези, председатель, бочонок вина,
Закуску на чистой холстинке,
На поле отметит с тобою страна
Уборочной финиш — Дожинки.

Мы выпьем, споем, почитаем стихи,
Отпляшут задорно Павлинки,
И нам допоят на селе петухи
Пернатого счастья дожинки.

От прежних забот не ищите следа.
Отцы! До детей и до жинки!
Так было у дедов,
Так будет всегда:
Семейная радость — Дожинки.

И в Несвиже вновь песнярам подпоют
Сябры из далекой глубинки,
И я воспою белорусский уют
И осени свято* — Дожинки.

*свято — (бел.) праздник.

ЖЕМАЙТЕНЕ

Капельки янтаря
С пеной морской рыбачка,
Золотом глаз сияя,
В тонкой руке поднесла.
Солнечными лучами
Вспыхнули Юратэ слезы —
Нежной влюбленной русалки —
Каменная смола.

Я на шею повесил
Камушки, словно бусы,
Оберегом Ярилы*,
Негасимым огнем...
И полюбил навеки
Землю славянских пруссов,
Их дочерей светлокосых
С колдовским янтарем.

*Ярило — языческий Бог Солнца славян.

ТАЛЛИНН

В тихом парке Кадриорге
Собираются русалки, —
Голосов игривый шелест
Обаятелен и чист.
Им, над волнами взметаясь,
Плача, подпевают чайки.
Дирижером хору служит
Старый Томас — трубочист.

Знаешь, Вайке, в Старый город
За тобой и я летаю:
Мимо ратуши высокой,
Над коньками красных крыш...
Рядом с Томасом со шпиля
Я стихи тебе читаю,
Но горька твоя улыбка,
Ты — печальная — молчишь.

КАРПАТЫ

И снова Карпаты,
Рассветы отрогами для,
Медведем горбатым
Повздыблены — наша Земля.

Их бурые складки
Покрыты резною листвою,
В томлении сладком
Плывет за туманом покой.

Поющая речка
Льняное полощет белье,
И волны щебечут —
Не спят на груди у нее.

И сумерки длятся,
В пастушью играя свирель.
Карпаты — славянства
Отринутая колыбель.

«ПРОЛИВЫ»

ПРОЛИВЫ

Прощайте, шхеры серой Балтики,
Простор Атлантики, встречай!
Мы развязали свои «бантики»,
И ленты вьются по плечам.

А справа Швеция туманная,
А там — Норвегия вдали.
Волна свинцовая обманная
По скулам лупит корабли.

Эскадра движется российская,
Сигнальный светится наряд,
И мгла расходится росистая
Сквозь Каттегат на Скагеррак.

Меня изгибы каждой гавани
Влекут причалить, и — пешком...
Здесь мои прадеды проплавали,
Здесь крест андреевский знаком.

Пореже рында нам названивай,
Мигай на выступе, маяк!
Как я люблю эти названия:
И Каттегат и Скагеррак!

По ним из лужи из Маркизовой
На океанский шли простор,
Влекумы ласковыми бризами,
«Аскольд», «Аврора», «Святогор».

Сиял двуглавною отмеченный

Орел, как рыцарь на пиру...

И я, с Прибалтикой обвенчанный,

Проливы в шаферы беру...

МОРЕ

Серые скалы — рай для влюбленных,
Белые чайки в бессменном дозоре,
Смотрит кустарник вечнозеленый
На вечно синее Черное море.

В тонкую роспись прибрежных утесов
Плачет волна, разбиваясь о скалы,
И заплетаются в темные косы
Кудри о чем-то поющих русалок.

Искрами брызжут влюбленные очи,
В теплой воде растворяются души,
Берегу море ворчливо рокочет:
Любишь — послуш-шай,
Любишь — послуш-шай!

ГОРЬКИЕ ИТОГИ

Мы любимых топили своих,
На курганы орудия тропами
Вознесли, и лишь с помощью их
Отстояли врата Севастополя.

Но достались те пушки врагу
Контрибуции тяжкою ношею,
И венки на морском берегу —
Это память о доблести прошлого.

До сих пор на дне бухты гниют
Корабли нашей горькой истории,
До сих из орудий тех льют
Ордена королевы Виктории...

КОРТИК

Его мужскую красоту
Ни затупить, ни опровергнуть...
Стучал эфесом по щиту,
Чтоб поддержать или отвергнуть.

Блестел клинком — победный миг...
Зачем красавцу полумеры,
Когда он истину постиг?..
Его несли легионеры

Пехотных римлянских когорт —
Преторианцы боевые,
Как восклицание...
Он горд —
Сияют обоюдозлые
Две грани лезвия его —
Наследье деда моего.

ПОХОДНЫЙ БАРАБАН

Балтийские ветра
Задули свечи рано,
Обрушив на асфальт
Ширококлёший марш —
Под арку выходных,
Под рокот барабана
По Гаванской идёт
Гвардейский экипаж.

Походный барабан
Матросский шаг ровняет,
И души их светлы,
И форменки чисты.
И над колонной Марс
Уверенный летает,
И чесменский орёл
Сияет с высоты.

Идут за рядом ряд,
Задумчивы их лица,
И кровь под эту дробь
Вскипает, как вино.
И стелет барабан
Ковры Аустерлица,
И, параллельно им, —
Ковры Бородино.

ПОСЛЕДНЯЯ ГИБЕЛЬ «ВАРЯГА»

*«В 2001г. Украина продала в Гонконг
ракетный крейсер «Варяг»*

«Комсомольская правда»

Древние века. Одни варяги
Плавали свободно в чудь и фряги,
И по рекам в греки синь-волной.
В Киеве уверенно осели.
Ведомо потомкам и доселе —
Управляли русской стороной.

С той поры защитника России —
Крейсер, быстроходный и красивый,
Окрестили пламенно — «Варяг».
Корабли просторы бороздили,
И на стенах гордо проносили
В дальние края российский флаг.

Двадцать первый век волной несется,
У Чемульпо снова крейсер бьется
С грозной иностранною ордой,
Тонет наш «Варяг», но не сдается,
Знает, его гибель обернется
Новою российской бедой.

В Желтом или в Белом, иль в Охотском,
Послужить геройски не придется, —
Узкоглаз и злобен капитан...
Слушайте: звенят уж не медали —
За гроши защитника продали,
Чтоб Иудин «залатать» карман.

ФЛОТ

Увижу и онемею:
Галеры и скампавеи...
А где же такие у шведов,
И парусные корабли?
Мы их у Аландских у шхеров,
У мыса Гангут одолели,
Окно прорубили в Европу,
Ботфортами твердо вошли...

Птенцы из гнездовий Петровых —
Потомки российских поморов
Освоили весело-лихо
И кливеры, и брамсея...
Взметнулась на клотик Россия
Фор-марсовым юнгою споро,
Андреевским флагом — отвагой
Отмечена предков земля.

Отплавала честно Россия
От Белого и до Цусимы,
От ботика и до линкора...
Но к пирсу столетье спустя
Припали стальные подлодки —
Черны обнаженные спины,
И ветры у фалов без флагов
С обидной издевкой свистят.

ДЕНЬ ВМФ

Под праздничный гром батарей
По курсу кривых эхолота
Выходит эскадра на рейд
В день памяти Русского Флота.

Журчит по шпигатам вода,
И гюйс за кормой рукоплещет,
Уходит эскадра туда,
Где юное сердце трепещет.

В кильватер идут корабли —
Краса и романтика детства,
Скрываясь в туманной дали
У самого краешка сердца.

АДМИРАЛ

Александр Васильич —
Не из гессенских принцев,
К угломеру с секстаном от кадетства привык...
Посмотрите: уходит эскадра эсминцев,
Гюйс и флаг адмиральский держит
храбрый «Новик».

Честь российского флага белоснежнее чайки:
«Иноземным державам ни пол-пяди земли...»
Не у стенки причальной,
а в цепях Чрезвычайки
Гордым взглядом окиньте вы свои корабли...

«Комендоры — к орудьям,
всё на мостике ладно?...»
Экипажи эсминцев, как большая семья...
Смело рвется в атаку ваш пылающий флагман,
Семафоря отставшим: «Делай, братцы, как я!..»

Но измучили всех думские разговоры —
От Емели и Стеньки — в голове без царя...
Вскрик из бездны: «О, Боже, на мостике воры,
Мы теряем Россию, теряем, теря...»

«БЕЛАЯ ОРДА»

ПАВЛОДАР

Он немного успел,
тот чухонец курносый с косицей,
Император российский
и страстный в душе янычар,
Но указом его
казаков прииртышских станицу
Нарекли городком...
и встречает гостей Павлодар!

Оседлавший простор
За мелькнувшую,
в общем треть века,
И дома и дворцы,
и деревья в садах подросли.
Но распахана степь,
как нагайкой спина человека,
И заводы дымят,
как эскадры большой корабли.

В нём всё больше примет
от восточного давнего мира...
Лучше жил бы в России,
как в роте послушный солдат...
Но мне спать не даёт
его старых цехов аритмия:
Павлодар,
Павлодар,
Павлодар,
Павлодар...

ДЖАСЫБАЙ

Баллада

Славен в улусах Кайсацкой Орды Джасыбай
Юртами, шитыми золотом
на чужеземный манер,
Всадники рода Аргын, эй,
читатель мой, запоминай,
Азии сереброликой блестящий пример.

Но всех дороже и воина сердцу милей
Сына Корпеша красотка-жена Баян-Слу:
Глянет с улыбкой и токи горячих кровей
Рвутся всю степь наклонить,
будто чашу, к седлу.

Только она прозорлива, умна и честна...
Ночью в постели супругу устало твердит:
«Милый, атай третьи сутки,
как ястреб, без сна
Всё в мою сторону полозом жадным глядит».

«Ну, успокойся, Баян, — отвечает Корпеш,
Бывши в походах далеких и больше без сна,
Трех удальцов одолел он в кайсацкой «куреш»,
Просто устал, успокойся, прошу я, жена.»

«Милый, он трогает серьги мои
и бородою щекочет мне шею, лицо...
Он раздевает меня...
Ну прошу, помоги,
Изнемогаю под лаской того,
Кто казался отцом».

«Спи, это снится тебе, дорогая моя, —
Сонно бормочет в объятьях любимой Корпеш, —

Здесь никого нет, и рядом с тобою лишь я,
Видно, кумыса ты выпила много допрежь.»

«Как же мне быть? —

вся в смятенье решает она, —

Только Аллах всемогущий

мне сможет помочь»

И к небесам полуночным взмолилась жена,

Призрака тестя гоня похотливого прочь.

Грянули молнии, гром отзвучал над землей,

Окаменела с аулом своим Баян-Слу,

И засияла меж гор голубою зарей

Озера гладь, обнимая, как деву, скалу.

Плещет жемчужною чистой слезой Джасыбай,

Ищет в ущельях возлюбленной руку и стан...

Снова гордится аргынами, вот ведь судьба,

Как и другими родами кипчаков,

седой Казахстан.

ПАВЛОДАРСКАЯ МЕЧЕТЬ

Сонет

Шемаханской царицы высокий шатер
Безнадежное небо собою подпер,
И поспорила цветом его бирюза
С небесами, где звезды — любимой глаза.

А над куполом тоненький серпик навис:
То ли вера наверх, то ли месяц на низ.
Минареты, как четверо братьев стоят,
И не страшен высоким любой звездопад.

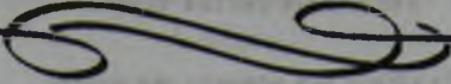
Это власти восточной полночным удар,
И звено удержать навсегда Павлодар
От стремленья на север привязкой на юг, —
Там кончается холод карающих вьюг.

Но обходит мечеть запоздалый дервиш,
И на Запад сбежала церковная мышь.

ПЕСНЯ КИПЧАКА

Выйду из юрты далёко
В нашу просторную степь, —
Вольно душе, одиноко,
Хочется плакать и петь.

Хочется с травами слиться,
Каплей росы заблестеть,
И самому превратиться
В эту Великую степь...

«ПАМЯТЬ»

ЕДИНСТВО

Пять воевод полков лихих
И хана два татарские —
Орда и русичи пришли
В сражении участвовать

И крестоносцам в укорот
Возвысить власть законную...
Ягайло двинул их вперед
В атаку легкоконную.

Мелькнули в небе тучи стрел,
И солнце вмиг закрылося,
Каленый дождь с небес летел —
Не ждите, кнехты, милости!

Но в поле — через сажень ров,
Канавы-контрэскарпы.
От атакующих полков
Осталось меньше четверти.

Орда рассеялась в пыли
И поскакала в стороны...
С холма тевтоны встречу пошли —
В плащах с крестами — вороны.

Блестят наточены мечи,
Кресты чернеют плоские...
И смяты русские полки
И витязи литовские.

Поляки гнутся, но стоят,
Порубаны, постреляны,
А в центре строя чехов ряд —
Славянского, знать, племени.

А хан татарский Багардин,
Доспехами сверкаючи,
Ударил силами орды
По флангу наступающих.

Арканами с небес мелькнув,
Ножами били конников,
На землю рыцарей стянув,
Ордынцы беспокойные.

И хан магистра зарубил
Ударом сильным сабельным,
Но сам недолго шлем носил
И рядом пал израненный...

Потом пять дней и пять ночей
Все жгли костры на поле том,
Славянскою, татарскою
Немецкой кровью политом.

Собрали мертвых в один холм,
И было место всякому...
Кричали муллы, и баском
Солидно пели дьяконы.

И ксендзы, ласкою дыша,
В распев рекли-молилися...
И полнилась добром душа
Для радости и милости!

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Царь на фронте
да с иконой

Приснодевы —
золочёной,
«Солдатушки-ребятушки» —
Нам во здравье
говорил.

Мушкетёры-гренадёры
Красноморды и матёры,
Батюшке-царю
молились
Сколько было сил.

Конно царь,
в руках — икона,
Мы — коленопреклонённые,
Шапки — сняты,
сабли сбоку,

Будто дети пред отцом.
Свита царская на конях,
Лик суровый на иконе,
Да оклад её сияет
Золотым венцом.

Едет царь,
а сердце бьётся,
Душа грешная трясётся,
Мы за батюшку готовы
Сгинуть,
за царя!

Все свои приложим силы,
Поведи нас в бой,
Брусилов!

Царь на фронте
да с иконой!
Знаем: то не зря!

РУССКИЕ ЦАРЕВНЫ

Царевен прекрасных моих
при дворе воспитали,
И царь Николай был примерный
и нежный отец.

Четыре царевны —
четыре сестры госпитальных,
Четверка открытых навстречу отчизне сердец.

Пускай русской крови текло
в тонких жилах немного,
Но все же девчонки любили Россию сильней,
Чем те, что стреляли в царевен моих
от порога, —
Бандиты, служившие общему злу — Сатане.

Четыре царевны с иконы святой просияли
Судьбою России в дни смуты, в те злые года,
Четыре души моей музе отваги придали,
Во мне поселилась их боль и печаль навсегда.

Стучатся во мне пять сердец:
тех девчат и России,
Их пыл не унять,
потому беспокойно так сплю, —
Татьяну и Ольгу, Марию и Анастасию, —
Несчастной страны дочерей,
как сестер, я люблю.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ...

...Князья молились в лавре перед боем —
К архистратигам было их реченье...
Укрыла роща воинство земное,
И не придал Мамай дубам значенья.

— Дозорный, что там?

— Левый отступает,
Сторожевой разбит, Большой — махает,
Косожи шапки перебороняют —
Повсюду только лисьи малахаи,

Остатки наших гаснут, аки свечи...

— Теперь пора! Русь, оживай, святая!..
Из рощи выплеснулась на ворожьи плечи
Не волчья ярость — сила неземная.

К славянским побеждающим заветам
Мы подошли с молитвой, с верой в Бога.
И Божья милость нам была ответом...
И легкою была домой дорога.

ПЛАЧ ПО ЕВРОПЕ

Кто ты, гонуэзский пехотинец,
Чей испачкан глиною камзол?
Над Непрядвой поле сечи стынет,
Чистит перья праведник-орёл.

Что потомку тех легионеров,
Что Европу мяли в кулаке,
Золотых монет пустая мера
Да кресты в полночном далеке?

Улетел твой дух в Средьземноморье,
Донесет в родные берега,
Что крепка Россия-Русь любовью,
Но остра мечами для врага.

Михайловское училище —
Безусые юнкера...
Казармы темно чистилище —
Октябрьская пора.

Но бунта черны гадания —
Грядущее вмиг отнял:
Из пушек палит по зданию
Взбешенная солдатня.

Укрытые подоконником,
Усатые щеря рты,
Штабс-капитан с подполковником
Предупреждают посты:

«Хочется выжить, пожалуйста, —
Белый флаг, и сдавайсь!
Только потом не жалуйтесь —
Красною будет власть.

Кровью дворянской умоетесь
И не помогут вам
Ни Михайлово воинство,
И ни Всевышний Сам.

Адская сила за пушками —
Ратники Сатаны...»
Тонет в пучине ужаса
Будущий цвет страны.

То ли еще молодечество —
В рост под огнем стоять? —
Веру, царя и отечество
Их не учили менять!

СЛАВЯНСКИЙ СИНДРОМ

Янычары на Косовом поле
Горячили усталых коней, —
Заливалось лихое застолье
Горькой пеной невольничьих дней.

Австро-Венгрия грохотом пушек
Усмиряла горячих славян,
И, спасая несчастных братушек,
Закипал мировой океан.

Вновь нависли над Сербией тучи,
И пожарищ разносится смрад,
И пикируют круче и круче
Самолеты, несущие ад.

Княже, княже, пустые глазницы
Не закроются — больно смотреть...
Две у Косова поля границы:
Неволя и смерть...

Март 1999г.

МЕДВЕЖАТА

Ах, какими красивыми
Стыли они на плацу,
И чужими и сильными, —
Форма ребятам к лицу.

Откричали поротно
И маршем упругим ушли
За кавказский хребет —
Окоем православной земли.

Их московские дяди
Послали: «Давайте, скорей...»
Не отдали ни пяди
Ни земли и ни чести своей.

И не надо прощенья,
Патронов бы горстку всего
И немного везенья,
Полчаса, ведь всего ничего.

Не вернулись обратно —
Блуждают в суровых горах,
Облаками надежды
Являясь родителям: «Ах!»

Злы обманы природные —
В морге мальчишки лежат, —
Узнавайте по родинкам,
Мамы, своих медвежат...

РУССКИЕ «ХИБАКУСИ»*

Отворилось под Припятью устье
В непроглядной и мертвенной мгле,
Расползлись по стране «хибакуси» —
По загаженной Бесом земле.

А на вид ведь совсем не уродцы,
Но горит генетический код,
Выживают они, как придется,
А на помощь никто не идет.

Возвращаются в отчие хаты:
— Ну и что же, что стронций пронзил?
Шебуршат под ногами цыплята —
Двухголовыми Бог наградил.

А колхозный скончался учетчик,
И молчат по деревне грачи,
И тревожно, под Гейгера счетчик,
Облученное сердце пищит.

*«хибакуси» — (яп.) жертвы атомной бомбардировки.

ГОРЕ

«...видеть ягоды во сне — к слезам...»

Сонник

Приснился ей сон:
Полведра костяники
Собрала в тенистых лесах...
Простого мальчонку —
Во всем сербичонка
Свела торопливо в детсад ...

Тугой рычажок
Репродуктора ловко
Крутнула,
А там говорят:
«...Упали и бомбы и боеголовки
На Приштину
И на Белград...»

Стенала, рыдала,
Припавши к иконам:
«Спаси, помоги, сохрани...»
Молчат чудотворные,
Лики преклонны,
И плачут по братьям они...

МЕЛОДИИ ШАРМАНКИ

Заполоняли кнехты чужестранные
Все перелески у окрестных сел,
А то, что в центре, называлось Танненберг...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

Земля взметалась сапогами прусскими,
И Фридрих мнил, что фронт уже рассек,
Но был отброшен пушкарями русскими...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

Берлин, штыком российским озабоченный,
Свисал с него рождественским гусем.
А мир казался прочным и законченным...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

Опять славяне — жертвы нападения,
И немцы, игнорируя костел,
Глядятся в полумесяц до затмения...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

1999г.

«ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА»

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В июньский предвечерний тихий час
Мелькают кадры — хроники подробно:
Летят бомбардировщики на нас,
Ораве черной хищников подобны.

Зеленые околыши — юнцы
В окопчике прильнули к пулемету —
Ценою своих жизней погранцы
Солдатскую исполнили работу.

Горят хлеба, в растоптанной жаре
В сердца вползают беженцев колонны,
А залпы недобитых батарей
Стальные возрождают батальоны.

Траншеи роют женщины и рвы, —
Земля встает защитой родимой...
И в бой идут и святы и правы
Бойцы и боги той — непобедимой...

ПОГРАНПОЛОСА

Шмеля ошалевшего веткой
Прогнать не спеши от виска,
Вот так же июньским рассветом
Гудели за Бугом войска.

Мальчишки из русской пехоты —
Винтовка да скатки рубец —
Хоть каждым четвертым из дотов,
Но все же «закрыли» рубеж.

Их били сноровисто, ходко,
К Москве расчищая пути,
Из танков прямою наводкой,
И увещевали уйти.

Задраены люки у дотов —
Не слышно посула врагов...
Сожгли пацанов огнеметы
Потомков арийских богов.

Никто к ним щекой не приникнет,
Пустынна погранполоса,
Не кровь на траве — земляника,
Не слёзы на листьях — роса.

АЛЬПИНИСТЫ 42-ГО ГОДА

Их собрали, как пальцы в кулак,
Затаился прорвавшийся враг
Среди скал — безусловно искусен,
И германский штандарт на Эльбрусе.

Был недолог о том разговор,
Чисто вытерт винтовки затвор.
Цепью ломкой ушли меж горами
Поквитаться за все с егерями...

Проходил мой недавний маршрут,
Где «одиннадцати» был приют.
Проводник обернулся без грусти:
Эдельвейс* не цветет на Эльбрусе!

«Эдельвейс» — название 1-й горнострелковой дивизии вермахта.

ПРЯМАЯ НАВОДКА

На Центральном затишье —
врагам,
ну, конечно, не по душе, —
сотни страшных зверей
на рассвете
разинули глотку...
Вот их танки утюжат
проходы у наших траншей.
Значит, надо зенитки свои
выводить
на прямую наводку!

А когда в Подмосковье
наш фронт был истыкан до дыр,
когда страшно смотреть
было вечером свежую сводку,
— По двойной нынче выпьем, —
спокойно сказал командир, —
Выводите, ребята,
орудья свои
на прямую наводку!

И тогда мы посмотрим еще,
чья в итоге возьмет,
пусть и бруствера нет,
и от пуль не спасет обваловка,
И строчит по наводчику
вражеский
их пулемет,
но мы видим в прицелы врага —
вот, что значит
прямая наводка!

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

В черной форме эСэС,
Гогоча, вурдалаки
С двух сторон запалили
Огромным костром
Ту лесную,
Покорную страшной атаке,
Деревушку в двенадцать
Крестьянских дворов.

И взметнулся пожар,
И душа не остынет
От пылающих ярко
Соломенных стрех...
И полвека спустя
Дозвенел из Хатыни
До германского Бонна
Пожарища смех.

Там девчушка в кафе
Алой птицей летает:
Горделива, красива —
Славянская кровь...
А в глазах неуёмным
Огнем полыхает
Та деревня в двенадцать
Крестьянских дворов...

ДЕТСКИЕ САНОЧКИ

Детские саночки —
Скользкие планочки
Вихрем несутся с горы,
Детские саночки —
Пушки и таночки
Детской бесстрашной игры.

Детские саночки,
Ведро и ванночки —
Проруби жизненной тьмы,
Детские саночки,
Ёлочки, палочки
Страшной блокадной зимы.

Детские саночки,
Тело у мамочки
Твердое, будто бревно,
Детские саночки,
Выцвели рамочки
На Пискарёвском давно.

Детские саночки,
Струны у арфочки
Плачем далёким звенят,
Детские саночки,
В детские шалости
Мчат, как и прежде, меня.

Вышел Вождь и Учитель весь в белом —
сияют погоны,
Подошел к «жеребцу» и по холке его потрепал,
Сапогом — в стремена и на спину
лакею другому,
Сел в седло, и ... на грешную землю упал.

Это, став на дыбы,
задрожала свечой кобылица, —
Видно, кровью невинных
до нитки пропитан Отец...
А парад принимал,
как и это должно бы случиться,
Маршал Жуков. Триумф был его жеребец.

ЖОЛНЕЖИ*

— Что же вы, усатые драгуны,
С пиками да в сабельный поход?
Это вам не бал — порвали струны,
Это не двадцатый трудный год.

Где же ваши «чудеса на Висле»,
Что в двадцатом Юзеф сотворил? —
Вновь над Польшей полчища нависли,
Снова Львов Буденный захватил.

Офицеры, прочь конфедератки,
И в отдельный лагерь «на пока»,
Добровольцам ставятся палатки
В польские советские войска.

Не рыдайте, гляньте, комиссары
Грамофон несут вам, вот те крест:
Кавалеры — польские гусары,
Слушайте любимый полонез.

Вспоминайте дом и мать-старушку,
Сандомирский огненный плацдарм,
Бал весенний, звонкую пирушку
И прекраснооких нежных дам.

И в сердца живущих Вестерплатте
Пеплом отстучит, как пулемет,
В половецкой варварской палатке
Вновь надежда Польши оживет.

И садок вишневый «коло хаты»,
Где рассветы с милою встречать...
А за лесом спит деревня Катынь,
Как в предчувствии злодейства тать...

* (польск.) солдаты

НОЧНОЙ ПАРАД

Волки испуганно лают,
Жмут по-собачьи хвосты:
Словно винтовки стреляют —
Щелкают сухо кусты.
В ночь на седьмое, под утро,
Кочеты громко вспоют,
Навьи отринувши путы,
Мертвые всюду встают.
Строятся молча в колонны,
К площади Красной идут,
Бархатом льются знамена,
Их означая маршрут.

62

Маршалы и генералы
В первых шагают рядах, —
Темно рубиново шпалы
В алых петлицах горят.
Френчи застегнуты ладно,
И не заметить нельзя:
Вырваны «с мясом» награды,
Выбиты напрочь глаза.
Шаг вразнойой некрасивый —
Им уже не воевать —
Темною подняты силой
Лишь до рассвета шагать.

Враг трудового народа,
Лагерный червь, не пыли!
Эх, якобинцы, Жиронды
Плаху себе обрели!
Каждый взрастил и коснулся
Древа страданья и зла —
Красный террор обернулся

Русской Голгофой — ГУЛаг.
Стон продолжается. Буря! —
Шорох убитых сердец,
А с мавзолея, прищурясь,
Машет усатый Отец.

САТАНИНСКИЕ БАЛЫ

Ни конные набеги степняков,
пьянеющих от крови и кумыса,
ни сталь тевтонов,
плоть еретиков
секущая без вздоха сожаленья,
оратаям предлогом не служили
для жажды поиска виновных в горьких бедах,
для разжиганья злобности отмщенья.

Вендетта — «кровь за кровь»
и родовые распри
остались у южан — потомков римлян,
да у соседей их —
турок-сельджуков.
А сорок сороков иных племён,
ища защиту от уничтоженья,
чтоб жить могли спокойно их потомки,
пришли к России,
под крыло и руку.

Века прошли,
державная рука
обрушилась безвольно и устало.
Народовольцы очертили круг
под будущих святых,
взрывая бомбы.
Великая империя распалась,
как цепь на звенья —
новые вериги
для мыслящих —
глухие катакомбы...

Попытки урезонить президента
законно
разгромом Госсовета обернулись,
и танковые тявкали пушчонки
на окна государственного монстра...
Гордыне неуёмной потакая,
их президент направил дальше —
на чеченцев,
чтоб обеспечить нефти прохожденье
к моторам и хранилищам заморским.

...В век развитой — сетей коммуникаций,
прогресса техники,
космических полетов...
быть не должно страстей средневековых,
но бал зловещий правит Сатана,
внимая блеску крупных бриллиантов
и упиваясь кровию людскою,
дешевле ставшей
капли черной крови...

РОВЕСНИКИ ПОБЕДЫ

Нынче грянуло ей шестьдесят,
Стала бабушкой мамка-Победа,
Но у правнуков очи блестят:
«Расскажи про Германию, деда!»

Он в пехоте служил рядовым,
Трижды ранен, имеет награды,
И домой возвратился живым
Под салютов цветных звездопады.

Про Берлин и горящий рейхстаг
Он расскажет, про мутную Шпрее,
Как в Тиргартене — оберст в крестах —
Немец выскочил.., дед был быстрее...

Они слышали это уже,
Но — мальцы, а, гляди, понимают:
Дед на огненной снова меже, —
Молодеет, когда вспоминает...

И опять под рукой автомат,
Как на штрассе той — Унтер-ден-Линден, —
А в окне яркий девичий взгляд:
Ненавидящий?
Робкий? —
Призывный...

Заскорузлой рекой правнучат,
Гладит воин и молвит с тоскою:
«Шестьдесят, ты гляди, шестьдесят...»
И качает седой головою.

А за окнами снова скворцы
Освистали забытые беды...
И горят золотые венцы
На героях великой Победы..

2005г.

ПРЯЖКА

Солдатская пряжка,
Латунная бляшка,
В огне не сгорела,
Воде не далась...
В бору затенённом
Поблекла медяшка,
Где чиркнула пуля —
Жизнь оборвалась.

Брезентовый пояс —
Не жизненный полис —
Истлел. Гимнастёрки
Не вечно хэбэ.
Бордова латунь,
Закалённая в крови,
Прижата ко ржавой трубе.

Политая кровью
Попавших в засаду,
Земля не спасла их
В тенистом бору —
Вторая ударная
Рвала блокаду, —
Погибли герои
На бранном пиру.

Нестарая женщина
Охнула тяжко:
«О, только бы род наш
Не сгиб на корню!..»
И внуку от деда
Досталась пряжка...
Реликвию эту,
Как око, храню!

СОЛДАТЫ

Они не вернулись с войны
Афганской, чеченской, боснийской...
Они не вернулись с войны,
Но рядом с родными живут:
Работают, ходят в кино,
И каждую ночью им снится
Война: мертвецы и душманы
В атаку слепую идут...

И что-то кричит командир,
А в грохоте даже не слышно...
И в зареве черных пожарищ
Померкла планета Земля...
Друг детства убитым упал,
И кровь пузырится, как вишни,
«Тюльпан» растопырил подкрылки —
Исчезли навеки друзья.

Они не вернулись с войны —
Сказала мне врач в медсанбате,
Они не вернулись с войны...
Орет у пивных мужичьё...
И нет в том солдатской вины —
Они искупают проклятья,
А Божие их наказание —
Возврат в пробужденье своё.

1997г.

«ВЗГЛЯДЫ»

* * *

Над заставой богатырской
Легкокрылы облака —
До столицы путь неблизкий,
Так Отчизна велика.

Не дрожат на порубежьях
Копья у богатырей —
Берегут страны безбрежной
Сны детей и матерей.

И крепки поковки русской
И шеломы и броня...
Отчего, скажите, грустно
Так на сердце у меня?

Оттого, что той границей
Разделяется родня,
И сердечные жар-птицы,
Шемаханские царицы
Уж не смотрят на меня.

Предка-гвардейца семья не доплачется,
Память донине жива:
Белые плиты застыли на кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа.

Горечь усилена в тошной истерике:
«Что нам чужой Вашингтон,
Крытые звездами жертвы Америки,
Кладбище их — Арлингтон?»

Наши герои, камнями укрытые,
В недрах Кавказа лежат,
Голые, босые, незначительные...
Что ты смущаешься, брат?

Матери больно: грядущее прячется
В ивовый крест под горой...
Нет у России геройского кладбища,
Каждый живущий — герой!

В оккультизма заговоры веря
 Вновь осмыслю беды велики:
 Стерегли России новой двери
 Красные латышские стрелки.

Их пассионарность не от солнца —
 Балтики угрюмы берега,
 В полутьму озябшего оконца
 Не войдут бескрайние снега.

В их тумане звонок, будто лемех,
 Беспокойный прасибирский звон
 Генов татарчат, каких на племя
 В Латвию завез еще Бирон.

Завалили латыши экзамен
 Под девятый вал морской волны...
 И глядят раскосыми глазами
 На Россию родичи жены.

«ШКОЛА»

ДЕВУШКА И ТРУБКА

Я в школе вечерней учился,
В монтажной работал бригаде,
Впервые серьезно влюбился
И трубку завел шутки ради.

И был я тогда не рассеян,
Держал свое верное слово,
Я с трубкою был, как Есенин,
А с девушкой, как Казанова...

А девушка песни любила,
И блеск мишуры обожала,
Меня по концертам водила
И к трубке моей ревновала.

Я бросил курить. В самом деле:
Зачем задымлять свои поры?
А девушке враз надоели
Обычных манер ухажеры.

А нынче: где нежные губки?
Тоится один Казанова,
И молвит над пеплом из трубки
Сергей свое горькое слово...

ТЕОРЕМА ПИФАГОРА

Когда по морю Средиземному триремы
Носились, вёслами стуча, во весь опор,
Свои слагая постулаты в теоремы,
Жил математик всем известный — Пифагор.

И на досуге он придумал треугольник,
В нем один угол обязательно прямой
С гипотенузой, знает нынче каждый школьник
Ее названье, — самой длинной стороной.

А двум другим он имя дал простое — катет,
Нарисовал квадрат у каждой стороны,
И получились, посчитай, ума-то хватит,
Совсем простые «пифагоровы штаны».

76 Они равны..., но в ослепительном угаре
Он не молился всласть до белых облаков.
В знак благодарности богам решил изжарить
Сто молодых вполне упитанных быков.

На вертелах бифштексы сочные повисли,
Хватило мяса для рабов со всех трирем...
Но с той поры скоты простых не любят истин,
Штанов ковбойских и различных теорем.

ЛУГАЛЬВАНДА*

Кто нас вывел на звезды, Иван?
Чья Стрела*,
Чей там Лук* в чистом Поле*?
И в Кощеевой бьется неволе
Чья царевна?
Каких дивных стран?

За столетия пролитых слез
До явления Божья — Христова
Атрибутика сказки суровой
Перепета в названиях звезд,

До чужих непонятных небес
От росы на траве наперстянке
По веленью инопланетянки
Все шумит очарованный лес.

Тетиву из шелков сотворив,
Изогну древесину покрепче, —
Пусть квакушка мне тоже нашепчет
Волхованья известный мотив.

Не с ответом монарший гонец —
Астероидный пояс прольется,
И царевной лягушка вернется
В мой бревенчатый чудо-дворец.

* — Лугальванда (древнеассир.) — царевич Иван.
Стрела, Лук, Поле — названия звезд на
ассирийской карте неба (III век до нашей эры).

«КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ»

* * *

78

Фетишизм — иностранное слово,
Поклоненье — надежней, добрей,
Обстоятельно и не сурово,
Предпочтительнее и мудрей.

Поклоняюсь пилотке и пряжке,
Да иконе — находке своей,
Домотканной отцовской рубашке
С ароматом кипчакских степей.

Пред тобою, красивою слишком,
Преклоняюсь, пред лоном твоим...
Пред бегущим навстречу сынишкой —
Все грядущее связано с ним.

Пред живую раскидистой веткой
Наклонюсь, манит пение птиц...
Поклоняюсь обычаям предков,
Перед Родиной — падаю ниц.

Балтикой названа белая
Светлая наша любовь,
Чайка — девчонка несмелая
Манит в простор голубой.

Влажною мягкой лапонькой
Машет сосна впереди, —
Яркой янтарною капелькой
Солнце горит на груди.

У побережья росистая
Тропка в лесу зелена.
Балтика — юность российская,
Как ты сейчас холодна!

Ты — красивая, ты — красивая!
Я с тобой неуклюжий такой...
Ты на крыльях любви унеси меня
В нежно-розовый непокой.

Над Сибирью, где зелень полощется,
Где болотная ржавчина — кровь,
Выше музыки и выше полчища
Ненасытившихся комаров.

И даруй, как тепло остылому
Пню в озябшем осеннем лесу,
Свою зрелую и бесстыдную
Непростительную красу.

Мы зависим от ласковых слов,
От тепла милых ветреных писем,
От веселых и пасмурных снов
Мы зависим, родная, зависим.

И от запаха нежных цветов,
От погожести раннего утра,
От пылающей розы ветров,
Уносящих грозу от Сургута,

И от солнечных майских лучей,
От подарков капризной погоды...
Все зависимо. В жизни моей
Ты одна независимо ходишь...

СКАЗКА

Отечество и отчество,
Листвы тревожный шелест,
И гулкий топот табуна,
Далекого в ночи...
И те слова, что наклонясь,
Любимая прошепчет,
В них безграничная тоска,
Как песня отзвучит...

И неизбежность этих слов,
И губ волшебных ласка,
И сеть в реке ее волос,
Объятий нежный плен —
Во мне отчество сбылось,
Как пушкинская сказка,
И нет прекраснее ее,
И нет иной взамен!

Ты прекрасная,
Если весна...
Вся в цветах
и нарядах подснежных,
Ты прекрасная,
как тишина,
в поцелуях
и ласках безбрежных.

Ты прекрасная,
Если со мной
Загораешься звездочкой ясной,
Ты прекрасна,
неяркой луной
освещаемая
и безопасна.

Никогда и ни в чем
не солгу,
Ни в суде,
ни в крутящемся кресле:
И в мечтах,
и на ярком лугу
Ты прекрасна
без всякого «если»...

Блаженны помнящие всё:
Добро и зло, тепло и ласку,
Счастливых дней былую сказку,
Весенней ночи забытьё.

За локоть мужа теребя,
Взгляни по сторонам украдкой, —
Я рядом — сумеречно-сладкий, —
Влюбленный намертво в тебя!

КОЛЛЕКТОР ОЛЯ

О.В. Черепановой

Стояла непонятная погода,
Летели стаи туч над головой,
Мне улыбалась, как сама природа
Коллектор Оля с нашей буровой.

Но я сжимал рычаг рукою твердой
И, папироску смяв рукою другой,
Ей заявил решительно и твердо:
«А ну-ка марш сейчас же с буровой!..».

Она ушла покорно и устало,
Но понял я — не надо мне другой,
Когда узнал, что королевой стала
Коллектор Оля с нашей буровой.

А керном ведь не зря зовется сердце,
Она его разбила на куски,
Куда теперь на выходные деться?
Пойти, что ль, и напиться от тоски?..

Объятыя детских рук,
 молочный чистый запах:
— Любимый мой, родной,
 не покидай меня!
Рассветы вновь зовут
 на Север и на Запад,
И снова кони ржут,
 и удила звенят.

Повозки и костры,
 находки и потери,
А дети подросли,
 как вдоль дорог трава,
Но в сердце сохранить
 мы все-таки сумели
Тепло их нежных рук
 и жаркие слова.

Законной чередой
 сменяет лето осень,
Набатный слышу звон
 я на закате дня, —
Меня издалека
 знакомый голос просит:
— Любимый мой, родной,
Не покидай меня!

НОЧЬ

Пялится за пазуху луна
Изжелта зеленым плотским глазом,
И тебе вдруг стало не до сна, —
Мысли неба разбудили разум.

Закружила светлая метель
Призрачные тени сновидений,
Приоткрыла чистая постель
Золотые яблоки коленей...

Это я гляжу издалека
Ненасытен и нескромно буен,
И дрожит румяная щека
Под моим палящим поцелуем...

«ДУХОВНАЯ ЛИРИКА»

РЕВОЛЮЦИЯ ВЕРЫ

Крестили Русь,
Звенела знать Царьграда...
Он, русичами битый многократно,
Ей навязал обрядов новизну,
И маковки церквей его золотые,
И ризы патриархов дорогие
Меняли русских капищ белизну.

Народ роптал
И не хотел креститься:
«...Порушить свой привычный вековой?
И Велеса, Перуна с колесницей,
Дажьбога — выбросить?
Нам Иисус — чужой...»
А Софья — чужестранная принцесса
Тех идолов топить велела
для прогресса.

Владимир-князь покинул светлый терем
И выгнал киевлян на низкий берег,
С высокого — велел бросать богов
На острые днепровские пороги...
Толпа рыдала: «Выдывайте, боги!...»
Разбитые о камни их святые
Не выплыли,
Но вознеслась Россия!

ИКОНА

Среди мусора,
меж атрибутов земного разврата
я икону Владимирской
Матери Божьей нашел:
Посмотрела в лицо Богородица
истинно свята
сквозь синтетику чувств
и любви окрыляющей шелк.
И повесил в прихожей,
и мир озарила икона —
я теперь на нее
перед выходом «в люди»
молюсь:
Утешает меня
её ласковый взгляд
просветленный,
из далеких веков
прямо в душу летящая грусть.

Ежедневно прошу:
«Упаси от несчастий и скверны,
дай усталому сил,
а заблудшему — верную нить,
от врага упаси,
как отчизну
от полчищ неверных,
ибо наг,
яко благ,
а детей ещё надо растить!»

Матери Марии

Сказкой рождественской ночь ворожила,
Месяц блестел, будто шлем...
Боже, когда это происходило? —
Дух освятил Вифлеем.

Ирода стража искала младенца,
Мчалась на черных конях,
Крестиком вышитое полотенце
Скрыло семью от огня.

Дома родного забыта картина,
Горны чужие поют.
Помнишь, Мария, давала чужбина
Кров и домашний уют?..

Мать Мария, неужто обитель
Плача опять Вифлеем?
В каждом из нас да проснется Спаситель,
Мир предержать на Земле!

2001г.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Опять толпа кричит «Осанна!
Христос идет в Ерусалим!
Сограждане любого сана
Спешите повстречаться с Ним!»

Царь Иудеи... Сыну Божью
Зачем венец земной молвы?
И машут ветками, тревожны,
Его приветствуя, волхвы.

А души грешные заблудших
В геенне огненной кипят...
Молитесь! Праведные души
Во кущи райские летят!

Цветы и пальмы осияны,
Но кровь из ран уже течет:
Толпа, провозгласив осанны,
Назавтра с радостью распнет...

Хитон и пальмовые ветви
Уже страданьями полны:
«Небесный Боже! Отче, где ты?
Сними с них часть земной вины —

Их угнетающую ношу,
Как моего распятья крест...
А я снесу его. Не сброшу
На почки вербные окрест».

ПАСХА

Скорлупки раскрасив багрово,
Молчи, Магдалина, молчи
И жизнью воскресшею новой
Любуйся в безлунной ночи!

Пресветлые ангелы плавно
Подняв Иисуса с креста,
Овеяли Духа крылами
Жизнь Божьего сына — Христа.

Воссевши отца одесную,
Две тысячи терпит годов,
Ему представляя земную
И грешную жизнь городов.

Столы накрывай и налей им
Кагора! О, Боже, внемли
Заблудшим своим — разговеют
Щедротами русской земли!

Порадуют звонкостью песен
Округу до самых небес:
«Христос Иисусе воскрес!» —
Воистину, Боже, воскрес!

Ни креста, ни ярма...
Сам я так не посмею,
Лишь на пальце мозоль,
Калькулятор исправный в мозгу...
Я в Охотном ряду,
Соглашаясь с ценой, цепенею,
Но крестов золотых
На безбожцах терпеть не могу.

Где мой медный простой,
Что мне бабка тайком под подушку
Положила,
Росточек бы свой сохранить?
А сейчас бы она
И церковную старую кружку
Окропила слезой,
Чтобы Бога отблагодарить.

Я живу и живу.
Исполняю исправно заветы,
И гляжу в небеса,
И вдыхаю отавы жнивья,
И люблю засыпать,
Когда в окна капель пред рассветом —
То меня охраняют высокие слезы её...

«ЗАПАХИ ДЕТСТВА»

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Каждый из нас получает в наследство
Добрые теплые запахи детства.
Ветер откуда-то их принесет —
Сердце прерывисто бьется и мрет.

Пахнет деревней в кувшине сметана,
Чай — самоваром, и речкою — ванна,
Пахнет грозой после стирки белье,
Дедушкой старое пахнет ружье.

Девочка шкафчик откроет и ахнет:
«Мамою ветхое платьице пахнет...»
Мальчик на полочке леску найдет
И об отце потихоньку взгрустнет.

Как бы хотелось назад возвратиться
В детство, где можно скакать и кружиться,
С мамой над увальнем-папой шутить,
С папой смеяться и рыбу ловить.

Годы уносятся — туч вереницы,
Запахов детства листаю страницы.
Жаль, что нельзя их надолго открыть —
Стянута крепко прошедшего нить.

ЗИМНЯЯ РУСЬ

Русь — это Лес и Степь,
Ели мохнатой ветвь,
Сказочный лунный свет,
лейся!

В чистый морозный хруст,
В яблочко спелый вкус,
В звонкий колесный пульс
рельсов.

В трепет нагих берез,
В тихий бескрайний плес —
Высверком ярких звезд
неба.

В яростные ключи
Льдинками отстучи,
Запахом из печи
хлеба.

Пусть унесет меня
Бег удалой коня
В очи, светлее дня, —
к Ладе.

В русской природы ширь,
Сердце, спеши, спеши
В нежный ее души
кладезь.

Высокою качая головой, —
Он рядовым в зеленой страже служит —
На визг остервенелый зимней стужи
Махнет полой шинели боевой.

Он видел век, пронесшийся, как миг,
И на его глазах разъяли Землю,
С качалками в ряду стоит, не дремля,
Мой кряжистый уверенный старик.

К могучему звенящему стволу
Приникну я лицом разгоряченным:
«Прими меня поэтом и ученым,
Шершавыми губами поцелуй.

Не знавшего отцовского тепла
Согрей сукном обветренной шинели
И расскажи, какие отшумели
Над головой холодные ветра».

Слезу смолы — янтарный горький дар
Вкушу и от него восстану сильным,
Сочту отцовской лаской подзатыльник —
Упавшей шишки ласковый удар.

ТОПОЛЬ И БЕРЕЗКА

На высоком берегу
Над рекой сибирской
В полуденной неге
Тополь серебрится.

Веселится рядом
По-девичьи броска,
Шаловлива взглядом,
Белая березка.

Ластятся листвою —
Чувственная пара,
А в тени спокойно
Им поет гитара.

А когда прически
Зажигает осень,
В кроне у березки
Ярко светит проседь.

Шапкой золотою
Милой восхищенный,
Беспокоен тополь,
Молодой, зеленый.

И еще сильнее
Перешепот пары,
И еще звончее
Перебор гитары.

БЕРЕЗОНЬКА

Юная березонька
Меж подруг растет,
Берестою тоненька
Розово цветет.

Соком наливается
Молодая статья.
Вырастай, красавица,
Ветру не сломать!

Не рубите, соколы,
Просеки в лесу,
Не губите робкую
Девичью красу.

Упадет красавица,
Всхлипнет мох лесной,
И не будет радости
В песне ни одной.

ПОДУШКА

Как шептала она истомленному сердцу
О красотах Востока и рыцарях сна,
Открывая к Морфею волшебную дверцу,
Провожая в дорогу паломников — нас.

И фамильный курносик и толстые губки
Утыкались бессильно в неё — наугад...
На пуховой вздыхал от отбоя к побудке
Возвратившийся с фронта отец мой — солдат.

В покосившееся хатке и в полночь не душно,
Здесь и я спал когда-то, и сын мой и дочь...
И прабабкины сны на пра-пра-подушке
Смотрит внук, проживая столетье за ночь.

ВЕЛОСИПЕД

Вспомнит ли старенький велосипед
Крутость дороги и яркий рассвет?
Было же — мчался «Деснемок» складной
К южной прохладе сквозь северный зной.

Мягок асфальт и упруга педаль,
Моря и неба бездонная даль,
Дышит прохладой ласковый друг —
Ласпинской бухты сверкающий круг...

Сколько их было потом, седоков?
Сколько сменилось педалей-подков?
Стынет в подвальчике велосипед —
Ржавая память проезженных лет.

РАЙ И АД ЛЮБВИ

(Из венка сонетов)

МАГИСТРАЛ

Сказали: раз она бывает,
Любовь, где страсть, а не привычка,
Где Дантов ад огнем пылает
Над лучезарной Беатриче.

В огне кромешном извиваясь,
Сгорают изменные цели,
И закаляется такая
Любовь, какую мы хотели.

Она огромная, как море,
Чиста, прозрачна каждой каплей,
И каждый вздох — волна прибоя,

А каждый взгляд — острее сабли.
Не прячь очей и губ шершавых,
В них нет огня, и сабли ржавы...

СОНЕТ № 1

Сказали: раз она бывает,
Её вы более не ждите,
И покрывало наползает
На хрупкий профиль Нефертити.

И торжествует Кийя злая
И караулит Эхнатона,
Отвергшего услады рая
Ради монаршего хитона.

Он много раз потом пытался
Вернуть утраченное чувство,
Но тщетно, посох поломался,

И клумбами украсив пустошь,
Оплакивал весной обычно
Любовь, где страсть, а не привычка.

СОНЕТ № 4

Над лучезарной Беатриче
У нимба тернии сияют —
Их свет колюч и непривычен, —
Любви пороки обличают.

Петраркой искренне воспета,
Как Мона Лиза воссиянна,
Совсем не юная Джульетта,
Совсем не строгая Оксана.

А муж не знал о том сияньи,
Что ночи жарко освещало,
В его психическом изъяне

Лишь ревности недоставало.
Ты ж леденела, усмехаясь, —
В огне крошечном извиваясь.

СОНЕТ № 10

Чиста, прозрачна каждой каплей
Своей любви, ты мне являлась,
Будто глаза Кетцакоатля,
Самозабвенно зажигалясь.

Но, как синица в сказке, море
Зажгла недрогнувшей рукою,
И две стихии вечно спорят, —
Лишили мирное покоя.

Зря не туши любви пожара,
Он черным углем обернется,
И жить средь этого кошмара
Опустошенным нам придется.

Вздохну устало за тобою,
И каждый вздох — волна прибоя.

СОНЕТ № 13

Не прячь очей и губ шершавых —
Обветрились и обслезились,
Приятней не найти отравы,
Чем поцелуя жар и живость.

В тенистой зелени дубравы,
В стозвоне птиц, в мерцаньи струйном
Прочувствуем, пахнули травы
В экстазе прянопоцелуйном.

Как инерцоид, завертелся
Над головой шатер зелёный,
Под куполом его распелся
Соловушка наш удивленный.

Но мы стремления сдержали,
В них нет огня, и сабли ржавы.

СОНЕТ № 14

В них нет огня, и сабли ржавы,
Тупы, и к ножнам прикипели,
И все точильщики державы
Их не отточат в самом деле.

Пусть не блеснет и не взовьется
Над головой клинок упруго,
Но сердце в такт атаке бьется,
И не сдастся зимним вьюгам.

И на рысях, поэскадронно,
Сбивая утреннюю сырость,
Бойцами легендарной Конной
Уносится очей немилость.

И сердце снова оживает:
Сказали: *раз* она бывает.

ДОН ЖУАН

Когда чужой женою станешь,
О, как тебя любить я буду,
И поцелуями осыплю
Ещё нежнее, чем всегда...
А тень рассерженного мужа
Сопровождать тебя повсюду —
Повсюду будет взгляд ревнивца
И включенная борода...

А я, последний жалкий проблеск
Волшебной силы дон Жуана,
Везде фигуру Командора
Привычно буду узнавать...
И жизнь — ведь всё равно пропала —
Тебе одной, о донна Анна,
В прощально-сладостном объятьи
До капли стану отдавать...

Когда ты мужа позабудешь,
В нецеломудренном стремленьи
Прекраснозвучною гитарой
Ко мне прижмись...
Отрину грусть,
И мы забудем всё на свете...
И в эти чудные мгновенья
О, как тебя любить я буду!
Хоть на мгновение — женюсь...

АРБУЗЫ

Несли две женщины арбуз,
Я — вслед за ними, словно туз,
Не козырной, а так себе,
Была бы муза...
Молодки обе хороши —
Блондинки для моей души,
У каждой кофточка вперед
На два арбуза.

Я попытался не отстать,
Арбузы все пересчитать,
Не получилось ничего,
Простите, братцы!
Но я повесил на окно
Кустодиево полотно,
Чтобы на нём моим глазам
Тренироваться.

Несут молодушки арбуз,
Но я за ними не тащусь,
И ничего у них теперь
Я не считаю.
Смотрю на них, как на трюмо,
Торчу, как палка в эскимо,
И, как мороженое,
Потихоньку таю.

ЛЕШИЕ

За опушкой ликующих трав,
Что периметры леса одели,
Начинается затишь и мрак —
Царство леших и Берендея.

За пригорком — густой бурелом,
В паутине, и вязкой, и липкой,
Трое леших кутят за столом
И закусывают ежевикой.

То крапивою вдруг обожгут,
То прикинутся мухомором,
То в болотную топь заведут,
Оглашая сорочачьим ором.

112
То раскинут корзину маслят
Пятаками по краешку просек,
То построят из елочек ряд,
Отмечая их первую осень.

То подставят вам боровичок
На тропинках, недавно пройденных,
То подцепят на острый сучок
И ослепят лучом полуденным.
Им понравиться впрямь нелегко, —
Больно двор привередлив леший,
Могут так завести далеко,
Что домой не воротится пеший.

Не спасает ни смелость, ни страх,
Ни мольбы, ни угрозы, ни ласка:
За опушкой таинственный мрак —
Волшебство, вдохновение, сказка...

ПЛАТЬЕ

Под ропот блестящего платья
Свои мы сомкнули объятия,
Оно, как соперник, мешало —
Вздыхало, скрипело, шуршало.

Кусая на ушке сережку,
Рукою нашел я застежку,
Рванул, как кольцо от запала,
И платье волною опало.

Любили друг друга мы долго,
Отдавши все капельки долга,
В расшатанной узкой кровати
Ты вспомнила утром о платье.

Оно бездыханно лежало
И выточками не дрожало,
Застежка была, как растяжка,
А рядом допитая фляжка.

Теперь мы встречаемся реже,
О долге понятия те же.
Но, если взгрустнётся невольно,
То платье ворчит недовольно.

«ПЕРВОПРОХОДЦЫ»

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ БУРОВАЯ

Их геолог Салманов
 сюда из упрямота привел,
 Деньги сметы
 отпущены были совсем на другое,
 И станок буровой
 на плоту по Оби гулевой
 Долго плыл беззаботно,
 по высшему счету, изгоем.

А в реке и муксун,
 и налим, и язи,
 Остроносая стерлядь,
 и быстрые хищники-щуки,
 И никто им сумой и тюрьмой
 свысока не грозил —
 Всем хотелось проверить
 прогнозы дотошной науки.

У Березова — «стоп»,
 и на берег вручную станок
 Затащили,
 и вышку неспешно собрали.
 И опять не туда,
 где на карте торчал «куполок»,
 Долото буровое
 по чреву земному погнали.

Цепь случайностей русских,
а звенья — «авось» да «небось»,
(И на Бога надеявшись,
сами-то не оплошали),
Вдруг замкнулась фонтаном,
вонзившимся в небо, как гвоздь,
И как перст,
утоливший сухие земные печали.

И узнала страна
про Урай, Самотлор и Надым,
Про Сургут и Тюмень,
позалитые золотом черным,
И Баку задрожал,
будто небо разверзлось над ним,
Конкурентом своим,
появившимся вдруг, удрученный.

Потекли по партийным
и прочим нечистым рукам
Ручейки и арыки,
и реки земного богатства,
Оставляя гроши
геофизикам, буровикам,
И основу распада
являя собой государства.

А фонтаны иссякли,
насосы в работу пошли,
И в швейцарские вены
от русских сердец убывая,
Все пульсирует в трубах
кровинушка нашей Земли,
И стоит над страной
заблудившаяся буровая.

Ах, экспедиции —
 Горе-традиции...
 Кончился наш камеральный сезон.
 Партии стонами
 Укомплектованы,
 Слышишь, природа, ликующий звон?

— Кто на «пиропы»? —
 Хожены тропы...
 Кто на «вольфрам», на «титан», «молибден»?
 Твой «поминальник»,
 Звездный начальник,
 Пусть нам зачет предстоящий момент...

Ельничек редкий,
 Дремлет разведка,
 Ноги измучены, эх, ё-моё!...
 Зла и бессовестна
 Стадия поиска:
 Деньги — «добыче», а нам — комарьё!

Молча потужим,
 Делу послужим...
 Гордо последний обманемся раз...
 Все дивиденды
 С карты-легенды —
 Вспомнят потомки романтиков — нас!

ГЕОЛОГИНЯ

До корки выгрызла арбуз —
Так обезвожена пустыней.
Молчит колодец Джаман-туз —
На стенках соль висит, как иней.

А на последнем рубеже
Стремишься выглядеть исправно:
Журнал разведочный уже
Заполнен описью канавной.

«Отбиты» выходы пластов,
Уточнены слои шурфами,
Сияет пламенно восток,
И мысли полетели к маме...

И будет премия. Потом...
«За доразведку Бурултаса»,
Но не о ней ты...
Сын Витольд...
Вот он толнулся:
«Марш на трассу...»

СОЗИДАТЕЛИ

Светлейший князь Потемкин —
Огромный, одноглазый,
И смелый граф Суворов
На Кинбурнской косе
Сидят в большой палатке,
Сверкают пестней стразы,
Их белые мундиры
Еще во всей красе.

Позвали Де-Рибаса —
Бродягу-адмирала:
«Как хочешь, но блокируй
От цитадели флот...
Пускай паша турецкий
Несолоно хлебало
Вонючее закроет
И в Истамбул плывет...

А здесь построим город —
Отраду малороссов —
На Русском море будет
Одесса — русский порт...»
И было всё сурово
И чрезвычайно просто...
Но за три века очень
Уж измельчал народ.

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК

Я осваивал новые улицы
В городах и поселках отстроенных,
Словно Шлиман над ними сутулился,
Над моими воскресшими Троями...

И деревьями скверы засаживал,
Под газоны тропу перекапывал,
И кострищ плодородною сажею
Дополнял солонцовую рапу я.

И тянула меня перемытая,
Штормовыми ветрами просолена,
Даль, и странствий печаль неизбытая,
Ко скитаниям тяга бессонная.

Вновь надену тельняшечку рваную
И, поскольку душе моря хочется,
Пусть сургутская Мелик-Карамова
Надо мной парусами всполощется...

В.Л. Богданову

За спиной облака полувека —
«Богом данный» — качалки поют.
Популярнее нет человека
На весь округ и город Сургут.

Труб раскинутых вежи живые,
Отмечают удачи маршрут,
Будто храмы, встают буровые,
Дизеля их «осанну» ревут.

Володимир — как знамя над миром,
Ордена ему тоже под стать —
Первозванного — русским кумиром —
Обозначила Родина-мать.

И на зыбях песчаных, болотных
Поднимается город Сургут,
Где проходчики недр природных
Под надежным началом живут.

И пичуги поют беззаботны
Под высоким крылом: «Жить, да жить!»
И раскрыты небесные своды,
Чтоб летать и творить и любить!

2001г.

Югру засеял вышками ажурными,
Пронзил ей грудь калеными амурными,
Как стрелами, насосными колоннами,
А луки — балансиры им поклонные.

Она к нему протягивала рученьки,
Себя дарила щедро, необученно,
Сполна все отдавала — до кровиночки,
До капельки последней — ягодиночки.

А он глядел рассудочно холодными
Глазами полуночными голодными,
Как истекала кровушкой влюбленная
Югра — на карте яркая, зеленая.

Потухли ее глазоньки пресветлые,
Вся почернела — чувства безответные,
И кровь из ранок больше не пульсирует,
А он — все за границами курсирует...

«ПУШКИНИАНА»

ПУШКИН — В НАС!

Угловатый профиль,
Бакенбарды — листья
От дубов российских
Из дубрав густых...
Оживают сказки
Родниками истин,
Неуемно сильных,
Чистых и простых.

Напеваает котик
Песни Лукоморья,
И проносит деву
Глупый Черномор,
Рыцарю Фарлафу
По душе застолье,
А Ратмир влюбленный
На решенья скор.

Это было с нами:
Царедворцы лгали,
И цари чесали
Темя, как Салтан...
И опять простыми
Верными стихами,
Нашими устами
Дышит Александр!

ССЫЛКА НА ЮГ

А вот и Кишинев,
И сочные арбузы —
Преарестантский вид —
Рассыпаны горой,
И яблоки-шары —
Влетают сами в лузы,
И сладок поцелуй
Вечернею порой.

Томаты велики
И сахарно-пунцовы,
А дыни, словно грудь,
Упруги и нежны,
И томные глаза
У Лизы Воронцовой
Сияют и зовут
К сокровищам княжны.

Коляски мягок ход,
Звени, мой колокольчик,
Мелодией любви,
Воскресшею опять...
Мчит мыслей хоровод,
И даже сердце хочет
Игривым жеребцом
К любимой ускакать...

ДУЭЛЬ

Шумный бал, кавалергарды,
Шопот за спиной,
И заломленная карта
Юною женой...

Аксельбанты, эполеты,
Напряженье шей,
И тоскуют пистолеты
Фирмы «Лефоше».

И барьеры — сабли стали
Между мной и им,
Очи пламень разметали —
Нам не жить двоим.

Неспроста воронья стая
Надо мной кружит,
Выстрела дымок растаял...
Ната.., не тужи...

Плачем тонким близок, ласков
Звон гусарских шпор,
Тот, который на Сенатской
Слышен до сих пор...

Крылья вольные обретши
Что не полетать?
Догонять друзей ушедших,
Сладко обнимать.

Заблестеть полоской света —
Вот простор душе...
В лед вмерзают пистолеты
Фирмы «Лефоше».

Закивали древ макушки:
Он средь нас сегодня — Пушкин,
Его сказки про царевен,
Котика, Балду...
Он и автор всем проказам,
Его имя всем пролазам
Если только неизвестно —
Обязательно найдут:

Кто разбил тарелку? — Пушкин...
Кто испачкал стенку? — Пушкин...
Чья по маминой постели ёрзала пила?
Чьи разбросаны игрушки?
Кто бабахнул из хлопушки?
Ну, конечно, это Пушкин!
Все его дела.

Кто дефолт устроил? — Пушкин...
Капиталы вывез? — Пушкин...
Взгляд поэта на скульптуре строг и удивлён...
Чьи хоромы под столицей?
И счета чьи за границей?
Кто войну с Чечней затеял?
Ну, конечно, Он!

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Был старик рыбаком...

И два раза он рыбку тревожил:
В первый раз президентство
в богатой стране попросил,

Во второй —
он мятежный парламент низложил,
Белый дом расстрелял,
и в Чечне пацанов уложил.

Обнищала страна, а старик себе в ус и не дует,
Снова к рыбке поехал,
под Сочи — вестимо — живёт.

Попросил у неё себе прежнюю статью удакую.
Рыбка: «Есть, генерал», —
и умчалась в пространство своё.

Воротился в Москву,
зашумела угрюмо людская,
Всюду толпы народа,
голодных в обмотках солдат.

Он, как водится, в Кремль,
а туда его не пропускают:
«Предъявите-ка свой
пролетарско-партийный мандат!»

Он в ответ: «Да я — царь! Все мое здесь теперя:
Этот Кремль, особняк
и две тыщи крестьянских дворов...»

Но толпа налегла:
«Небольшая стране ты потеря,
Отправляйся в Свердловск и сиди там,
покуда здоров...»

Дом Ипатьевский цел,
и прочны на подвале запоры.
Там не спал удалец,
вместе с ним домочадцы его.
Когда кляцнули вдруг
у винтовок охраны затворы,
И суровый чекист зачитал
по листку приговор...

1998г.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Василисы лаская фигуру,
Не кори за невольный обман,
Не сжигай её серую шкуру,
Будь разумен, царевич Иван!

Раскорезжив царизма натуру,
Приобщись поднебесных красот,
Не сжигай только серую шкуру,
Стерегись от ненужных забот:

Улетит Василиса голубкой, —
Не отыщешь за тридевять стран,
Наслаждайся шуршащею юбкой,
Не сжигай её шкуру, Иван!

Все свои начинания сдуру
Не твори, и за ворот не лей...
Не сжигай земноводную шкуру
И Бессмертного сон пожалей!

ПУШКИН

Он стал на площади в Сургуте, —
Печаль поэта высока,
И в нашу Обь влились как будто
Фонтанка, Мойка и Москва.

Увы, не бывши здесь ни разу, —
«Во глубине сибирских руд»,
Предугадал одною фразой
Нефтяников тяжелый труд.

А Кюхельбекер ведь смеялся:
«Не ездил, Сашенька, в Сургут,
Зря ты стихи писал, старался,
Поэтов там не издают.

Твердят одно — мол, денег нету...
Не потревожим их покой, —
Негоже русскому поэту
Стоять с протянутой рукой».

Он символ наш! Не канем в Лету,
Не будем милостыню ждать,
И дом, что за спиной Поэта,
Трудами нашими питать!

«ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД»

ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД

Я стремился к нему
из далеких и южных морей,
И штурвалы вращал
океанских больших кораблей,
Большегрузных составов
с добром приводил поезда,
Самолетами «ТУ»
отовсюду тянулся сюда.

Здесь на вахте я трубы крутил,
ремонтников ГРЭС,
Мне качалки кивали
с улыбкой: «Привет, КРС!»
Устремляя я огни буровых
моих в ночь-синеву,
Укрощая фонтаны
на скважинах НГДУ.

И тоску по любимым
газил я в вине и друзьях:
Стали близкими мне Уренгой,
и Сортым, и Пыть-Ях,
Но уверен я:
в сильный мороз и пургу
Мою душу согреет
единственный город Сургут!

Догорает закат.

Он, как ты, кучерявый и рыжий,

Среди белых подушек

больших пуховых облаков,

И глаза синевы все темнее от ночи, я вижу:

Зацепился за мачту

мерцающий праздничный ковш.

Ты по Мелик-Карамова

к речке пройди, отдыхая,

И на храм погляди, его маковки так горячи...

Меж югорских болот колобродит моя буровая,

Ты ее по зарубкам на сердце своем отыщи...

ВETERАНЫ

Памяти Н.М.Морозова

Зарастает память-степь бурьяном,
А на взгорках зелень ковылей...
Это нашей жизни ветераны
Шествуют по Родине своей.

Хохолки ковыльные пригладив,
Ордена и знаки пристегнув,
В мир идут в торжественном параде,
И — уходят гордо, не свернув...

В них еще живут сороковые,
Этой правды, юность, не страшись...
В тишине, пока они живые,
Расспросите их про нашу жизнь.

И они расскажут, как Салманов
Пил спиртягу с Юрием Эрвье,
Как под первым нефтяным фонтаном
Хохотали, сидя на траве...
Как горели вышки буровые,
И кронблоки рушились на них...
В тишине, пока они живые,
Расскажите им о них самих.

1998г.

БИМАТЕРИКОВОСТЬ

Сургутяне — Родины основа,
И её пришельцам не понять.
Нам Европа — бабушкино слово,
Азия — и мачеха, и мать!

Добрая, прохладная, лихая, —
Кормит и поддерживает нас...
А в Европе мы лишь отдыхаем,
Ведь зимой — Лянтор и Лангепас...

А какие очереди летом
За билетом — к бабушке слетать,
И обратно с искренним приветом
В Азию варенья доставлять.

Два материка — Урал им пояс —
Объединены одной судьбой,
Чтобы жили здесь не беспокоясь
Разные народы — мы с тобой.

Я силен ухой муксуновой
И хлебами из ржаной муки,
Сургутяне биматериковы,
И вдвойне поэтому крепки.

УСТОИ МОРАЛИ

Черный Мыс отмечал пятилетку открытий,
Разгулялась разведки шальная братва,
А на сто мужиков только две поварихи,
Радиола, пластинки, блатная молва...

А из Обской губы тарахтели две баржи,
И полтысячи женщин вмещали они,
И легко подсчитать, сколько было на каждой,
И представить легко, только очи сомкни.

Но у каждой свое персональное дело,
Где скелеты в шкафу — не фуфло на стекле,
Веселись, если хочешь, спокойно и смело,
В Салехарде, Сургуте и Тарко-Сале...

Вот и к Черному мысу те баржи подходят,
Дебаркадер задорным народом забит.
Всяк мужик от предчувствия ласки

«на взводе»,

И себя по-мужски проявить норовит...

Женя Жаворонков — знаменитый в ту пору,
Срочно к Черному Мысу направил стрелков
Из милиции местной — «Не до разговору —
Против матриархата вовеки веков...»

Баржи взвыли, сносимые силой течения,
Но повсюду «атас» — мужики и стрелки...
И остался Сургут без любви и варенья,
Но устои морали, о, как высоки!

ВИТЯЗЬ

Светлый витязь
 воду пьет
Из реки широкой —
То дружины Ермака
Воин одинокий.

На Дону Любаша — ой,
Очи проглядела.
— Атаман, давай домой! —
С ветром долетело.

По излуине реки,
По воде небыстрой
Проплывают казаки
Да с разбойным свистом.

Просмоленная ладья,
На корме — хоругви.
Не бояре и князья,
Братовья и други.

Две пищали наперёд,
Парус домотканый,
Запевала до высот
Разбудил урманы:

«Мы за Камень зря пришли —
Девки узкоглазы,
Здесь холодные ключи,
Недруги чумазы.

Что нам с бисером кафтан,
Яхонты-каменья,
Коли просит басурман
С нами замиренья.

Рыбой промышляют тут
Остяки, вогулы.
Пусть и наши поживут:
Васильки, Вакулы.»

...И ладья вперед бежит
По реке сибирской...
Светлый витязь
вдаль глядит
На простор
Российский.

ПРОТОТИП

Он был ханом — Бардак,
На югорской земле знаменитым,
И селькупы дрожали —
Ясачные Пегой Орды,
Но поверил однажды
Пришедшим за Камень служивым —
Конкистадорам русским —
Носителям царской узды.

Он подумал: «Пустяк —
Эта рухлядь. В лесах и болотах
Комары их сожрут
И сибирский стремительный гнус,
Но ошибся чудака —
Не дождался судьбы поворота —
Не оставил Сибири
Закованный в латы «урус».

А у хана — везде беспорядок,
И тьму карауля,
Пальцы жирные хан
Вытирал о халата полу,
Рвал зубами седло
У зажаренной дикой косули,
Возлежал на ковре —
На заплеванном грязном полу.

И смиренно сносил
Отбирающим смело и ловко
Соболей и лисиц
И детей в счет долгов за ясак...
И осталась на память
О грешном река Бардаковка,
Да синоним у власти в России —
Извечный *бардак*.

ЛЕДОХОД

...Проснулась Обь...
Фарватером реки
Скользят на север льдины облаками
По серой ряби волн, как от тоски
Девчонки за хмельными мужиками...

Народ в порту взволнованно шумит,
Свои заботы в море провожая,
Пейзаж светлеет — возрожденный вид,
И дышит речка, быстро оживая.

На дальнем берегу рябеет лес —
Прокуренными строжится усами...
И уплывают беды в синь небес,
Примерзшие ко льду, как чьи-то сани...

РУССКИЕ ПОЛЯНЫ*

Русские Поляны,
В бронзовые степи,
В недра Казахстана
Кой чудак занес
Русские узоры,
Песни вполупьяна,
И белесо-кварцевый
Над рекой откос?

Русские Поляны —
Окна в желтой пыли, —
Глазыньки избушек
Будто мусковит**,
И наряды женщин
В ярко русском стиле:
Цвет рябины красной
Каждый плат хранит.

И дробится солнце
В окнах — глянь, осколки...
И дробится сердце
Счастлив каждый раз:
Русские Поляны,
Белые березки,
Как сыновья стража,
Охраняют вас!

*Поселок на границе России и Казахстана.

** — светлая слюда (от названия Москва).

ТАРКО-САЛЕ

Тарко-Сале — не Царское Село,
Туда сбегал я от забот и стрессов,
От совещаний разных и конгрессов,
Там выше крыш сугробы намело...
Тарко-Сале — не Царское Село.

Тарко-Сале — не Царское Село,
Недалеко от Обского залива,
Там смотрят женщины
призывно и тоскливо,
И небо хмурит низкое чело...
Тарко-Сале — не Царское Село.

От факелов тревожно и тепло,
Дрожат сиянья бахромою книзу,
И розоватым светится капризом
Уроненною чайкою перо...
Тарко-Сале — не Царское Село!

ТАЙНЫ ГИМАЛАЕВ

В далеких пещерах седых Гималаев
Прохладен и призрачен сон,
Там дышит прохладой пружинящий стланик,
О чем нам поведает он?

О том, что в глубинах планеты укрыто,
Но раз через тысячу лет
Лучом прорезает Земли монолиты
Зеленый рассеянный свет...

И гложут в просторах Вселенной раскаты,
И свет исчезает вдали...
И жаждут сигнала в пещерах махатмы,
Чтоб вынести знанья Земли.

ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Девушка с глазами
Изумленной лани —
Желтые опалы
Пали в синеву,
Слала мне записки
Через одноклассниц, —
Место назначала рандеву.

И была меж нами
Разница в два года, —
Я уже работал
И писал стихи...
И бодрила юных
Зимняя погода,
И коньки точили женихи...

Девушка с глазами
Изумленной лани, —
Сверстникам прыщавым
Полный форс-мажор,
Мне в углу укромном
Мягкими губами
Шепчет откровенья до сих пор.

И вскипает сердце,
Как электрочайник,
И душа романсы
Радостно поет...
Девушка с глазами
Изумленной лани
Снова на свидание зовет!

УБИТЫЕ ВОЛКИ

Морозный ветер краски полдня смазал, —
Снежок ожег опавшее лицо,
Оскалив пасти в кузове «Камаза», —
Лежали волки грудой мертвецов.

Кто, как убил порочных этих братьев?
Инстинкты их — живым слепое зло...
Вот результат — холодность их объятий,
И шкур уж нет — совсем не повезло.

За тех зверей охотничьи хозяйства
Платили щедро, только убивай,
И в деле накопления богатства
Учитывалась волчья голова.

В ней видно злобу хищного разбоя
На теплый хлев и крови жаркой вкус,
И логово — пристанище покоя...
Взгляни, приятель, ежели не трус.

Их стае одинокому попасться
Не дай, Господь, — костей не соберут,
А здесь, как псы, — окоченели братцы,
И холоден последний их приют.

Шарошек зубья и оскалы волчьи
Блестят в проемы грузовых бортов,
И каждый зуб отважен и отточен,
Вцепиться в пласт безжалостно готов.

Вот мне бы так, не мучаясь и сразу
Упасть от пуль злодеев-егерей...
«Камаз» долота к нам привез на базу...
И жалко мне загубленных зверей...

МЕСТЬ

«Подойди!» — подзываю тебя
совершенно неискренне:

«Ты не бойся, не трону,
я буду смотреть и молчать...»

Но глаза твои пышут,
как средневековые выстрелы,
И две пули в меня
по Евклиду вполне параллельно летят.

Лобачевскому, кстати,
не зря школяром я доверился,
Траектории пуль пресеклись
и упали за грешной спиной,

Когда ты вдруг вздохнула:
«О, Боже, я слабая женщина...»,
И объятья сомкнули Везувий и Этна со мной.

Что в тебе я искал?
Жжет горчинка осадком от вермута,
И вода солона из колодцев кайсацкой Орды...
Я за всех мужиков,
тех, что родом девичьим
отвергнуты

Заявляю тебе распаленной:
«Ну все, уходи...»

РУСАЛКИ

В беспечном Сургуте, на Черном Мысу,
Не прячут русалки девичью красу, —
Геологи нефть отыскали, и вот
Русалочий выводок там не живет...

Я долго искал их, заехал в Лянтор,
На Федоровку, как Амундсен, попер,
По речкам-ручьям Русскинские проплыл,
И надпись прочел на стене: Когалым.

Там вышки стоят и гудит турбобур,
И леший сказал мне — заросший помбур:
«Ты зря объезжаешь район наш, ведь тут
Сестрицы мои уж давно не живут.

Ульт-Ягун, Быстринка — «Сургутнефтегаз»,
Где много девчонок, красивых как раз,
Ищи там русалок, игривостью глаз
В прозрачную глубину увлекающих вас...»

Я белый, как чайка, найму пароход,
Пускай по Оби он меня повезет
Туда, где русалок я встречу в лесу
На Белом Яру, на Высоком Мысу.

В траве их упругие бьются хвосты,
А груди, как горы, белы и круты...
И кружит русалочий нас хоровод
Вдоль синей Оби на янтарный восход...

«БУЛЬВАР ПИСАТЕЛЕЙ»

БИБЛИОФИЛ

Сельские библиотеки
Есть в белорусских вёсках,
Милые там хозяйки,
И занавески чисты...
Мне разрешают рыться
На переполненных полках
В поисках смысла жизни,
В поисках красоты...

Вахту свою закончив,
Книжки беру подмышку,
Топаю в библиотеку,
В сельский уютный клуб,
Там ожидает Зося, —
Губы спелее вишен,
И обнимая крепко,
Шепчет о том, что люб...

* * *

Мимо идешь, улыбаясь,
Солнышком озарена,
Пагубам не поддаваясь,
Трижды чужая жена.

Ярко-татарская внешность, —
Скулы и брови вразлет,
Кровь ошарашенных предков
Следом безумно влечет.

Эх, изломать эти брови,
Болью уста изогнуть,
В темень бушующей крови,
Света струю окунуть.

За Святослава и Калку,
Вечного страха века,
За матерню и смекалку,
За упокой Ермака.

С тем, чтобы рядом, не мимо,
Ты покорённая шла
И чтобы нашего сына
Поутру в школу вела...

РУССКАЯ ИЗБА

А. Лазаревой

Вхожу сюда легко и детство вспоминаю,
И маму вижу там на фото и с отцом,
Улыбка в пол-лица — такая молодая,
И толстая коса над головой венцом.

Вот этим-то красна моя изба — углами,
Где фото чешуя, иконный полумрак,
Где пахнет молоком и теплыми блинами,
Где солнца грянет блик: «Вставай, сынок, пора!»

А серый бромпортрет хранит лица живинки
В изгибе мягких губ, в сияньи милых глаз,
И свеж румянец щек, и ни одной морщинки,
И нет причины их — ведь нету еще нас...

Здесь нега и любовь от бабушки и деда,
И шашка на стене, за печкой — домовой,
Здесь празднична всегда удача и победа,
Невзгоды и печаль, как саблей, — с плеч долой.

В окошко, — надоел!, — таращится подсолнух, —
Штурвалом желтизна лучистых лепестков...
И русская изба, превозмогая волны,
К любимым берегам меня уносит вновь...

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ

Комсомольский проспект,
Чьи дома развеселой шеренгою
От речпортовских кранов
До Саймы зеленой стоят,
Где меж них я брожу,
Будто рыцарь бездомный Айвенго,
И моргает, как лошадь,
Задумчиво «Хонда» моя.

Я пройду вдоль «Москвы»
Мимо ярких витрин «Бонапартовых»,
Взором, чистым до слёз,
Я в порталные краны уткнусь,
И представлю Сургут
Только точкой на контурной карте
Необъятных просторов
С названием пламенным Русь.

В этой точке есть всё —
Нефтегаз и Газпром с «универсами»,
Хочешь, «маг», хочешь «сити»,
А можешь, — вон, целый гектар...
И проспект Комсомольский
С друзьями-подругами верными,
И проспект Пролетарский
И даже поэтов Бульвар.

Нету только тебя...
Ты умчалась ветрами влекомая,
Будто леди Ровена
В закатный мерцающий свет.
Пусть напомнит тебе
В старом Лондоне
Тучка знакомая
Этот чисто омытый
Дождем Комсомольский проспект.

В шелка одета настоящие,
Бедром качнувшая доверчиво,
Впорхнула в «Ауди» блестящую
И укатила — моя женщина...

Искусам разным подвергаемый,
Суетность не приемлю внешнюю,
Отвергнутый и почитаемый,
Я искру сохраню сердечную...

И на движения красивые
Душа мгновенно отзывается:
Садись, езжай...
Вернись счастливая... —
Не согрешишь — и не покаешься.

Валюшке АРТЕМЧУК

Нет у девчонки дилеммы, —
Я б так, конечно, не смог:
В тесной светёлке поэмы
Пишутся пальцами ног.

Девочке что Мураками? —
Руки не держат стило, —
Клавиатуру ногами
Жмёт, улыбаясь светло.

Каждый нажим, как атака
Права любить и творить,
Девушка эта без страха
Учит нас верить и жить.

Напрочь сорвав оболочку,
Мысли взлетают легки —
Перелагаются в строчки,
В тропы и строфы,
В стихи...

Пусть несуразно и криво
Выглядят жесты — углом,
Муза истории Клио
Машет над нею крылом.

Ни словами, ни жестами
Не опишешь такой:
Ах, какая ты женщина! —
Ты — костер над рекой!

Огонёк, загоревшийся
В неоглядной ночи, —
Ах, какая ты женщина,
Ты — как пламя свечи.

Каждой искоркой разная, —
Блеск огня на волне...
Ты — подарок предпраздничный
Утомлённому мне!

Она обнимала его и ласкала,
Губами и пальцами грудь щекотала
И стан изогнув альбигойским углом,
Толкала его крутоверхим бедром.

А он — тонкий лёд над стремнинами в мае, —
Блестел, улыбался и таял, и таял...
И третьему рядом, зови — не зови,
Стал тесен их праздник счастливой любви.

Я в Сургуте, и я вас хочу
Повидать, если можно нам встретиться,
Прикоснуться хотя бы к плечу,
И разгладить бровей полумесяцы.

Отогнуть от лица капюшон
И пригубно на счастье отметить...
Я в Сургуте, и я к вам пришел,
Только ваши окошки не светятся.

«ДОРОГА»

ДОРОГА

Т. Гапуленко

Размыкаю с трудом
 Свои веки и губы сухие,
 Заклинаньем шепчу
 Твоё звонкое имя отныне, —
 Нас ухабы сплотили
 И светлые силы стихии, —
 Мы — два мыслящих тела
 В безудержно мчащей машине...

Вопросительно смотришь,
 Как утром жена на супруга,
 Еле сдерживаясь,
 Улыбаюсь ответно беспечно:
 Шесть коротких часов
 Провели в биосфере друг друга
 Мы с тобою, —
 Какая прекрасная вечность!!!

ПОЕЗД «БЛАГОВЕЩЕНСК-МОСКВА»

Вдоль России кольцо проводов и дорог,
И за солнцем спешит поездам говорок,
Выбивают колеса простые слова:

Благовещенск — Москва,

Благовещенск — Москва.

Колокольным напевом — высокая честь —

Для столицы летит благодатная весть:

Несмотря на лишения, глубинка жива:

Благовещенск — Москва,

Благовещенск — Москва.

Я не «фирменный» сам, я живу, как дышу,

В Беларусь с пересадкой и с песней спешу,

И мотивами встречи полна голова:

Благовещенск — Москва,

Благовещенск — Москва.

ЗИМНИЕ ГОРОДА

У Тобольска — знамена с платформы высокой,
И копченая рыба в торговых рядах,
И стоят тетрапаки фруктового сока,
И последняя в небе сияет звезда.

Над седым Иртышом наклонилась обитель,
Где в монашеской келье темны образа,
И читающий инок — суровый смотритель
На Аврору поднял голубые глаза.

Но везут поезда в развеселых вагонах
К северам загулявшую с юга братву,
Словно в стае борзых, ошалевших от гона,
Я в тумане похмельном и потном живу.

158
Возвращаюсь в Сургут к надоевшим палатам,
К вороватым торговцам и стаям ворон...
Вы меня к вышкарям заберите, ребята,
Пусть мороз поочистит с различных сторон.

Я забуду в снегах и пушистых и белых,
Про созвездие Девы и свой Водолей,
И с ладони кормить буду ласковых белок,
И могучей рукою ласкать соболей.

Не вернусь в теплоту, стыньте, мягкие кресла,
Уходите пустыми назад, поезда,
Здесь, в мерцаньи снегов моя муза воскресла,
И над храмом святым воссияла звезда!

ДОРОГА ДОМОЙ

Мне ту дорогу
хаять не с руки,
и станций мало, —
не на что ругаться:
три поезда летят вперегонки
на Томск,
на Кемерово
и на Нижневартовск.

А за Тюменью —
к норду колея
и прямо,
ни о чем не беспокоясь,
через Тобольск,
Демьянку
и Пыть-Ях
один помчит
мой пассажирский поезд.

Туда, где мой вокзал,
где суета, —
таксисты вперебой
осатанели...
К геологам я,
где моя мечта
ждет в теплоте
распахнутой постели!

От Сургута до Ханты-Мансийска
«Метеор» очарованный мчит,
В лобовые оконца искристо
Изумрудное солнце летит.

С темноспинными рыбами спорят,
Крылья судна в прозрачной воде,
А прибрежные тальники вторят
Учащенной поршней чехарде.

Дебаркадер волною качает,
Брызжет радугой водная дробь,
И взволнованно Мисне взирает
На Иртыш, догоняющий Обь.

ДЕКАДАНС

Ах, гитарная дека,
Звуковой резонанс,
Отсчитаю два века
И уйду в декаданс.

Где золотые упоры
Бьет фортуна-струна,
И звенит, будто шпоры,
Голубая волна.

Где последняя стопка
Не допита ещё,
Где рыдает красотка,
Мне уткнувшись в плечо.

В море слез утопает
Алый клубный пиджак,
А она всё рыдает —
Не сдаётся никак.

«ТАЙНОЕ МУЗЫ ПРИСТРАСТЬЕ»

АЛАВЕРДЫ ОЛЕГУ

*«Жарю белые грибы
С местною картошкой...»*

Олег НИКУЛИН «Байки»

И чегой-то жарил я
С местною красоткой,
Но притопали друзья
Со столичной водкой...

Белоярскую весну
Закусивши щами,
Зуб с дуплом я одному
Выдернул клещами.

Кабинет свой отворил, —
Точно двери в храме,
Зубы всем заговорил
Разными стихами.

От усердья даже взмок, —
Занесите в сводку,
А красотка под шумок
Выпила всю водку...

РАЙ И АД

*«...Всё изменяется — читайте чаще прессу!
А что Ж у нас в селе без перемен?»*

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Каждый день встаю с трудом,
Жизнь богемная — отрава.
Ждет меня высокий дом
На Центральной, тот, что справа.

Он стоит особняком,
Виден даже отупевшим:
Раньше был РАЙ-исполком,
Нынче стал АД-министрейшн.

Разукрашен сверху дом,
А внутри всё по старинке,
Но от РАЯ лишь РАЙ-он,
Где десяток сёл в глубинке.

И в АДУ том осмелев,
Имут черти мзду мгновенно,
И наверно «Же» в селе
Не дождутся перемены.

Томогавком из бревен срубил себе дом,
И завел петухов — на убор головной,
И детишки пошли непременно потом,
А правнука назвали друзья Калитой...»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Разбросаны игрушки
По спальенке-избушке,
И пальчики помыты,
И ножки не болят,
И форточка открыта,
И баба не сердита,
Но глазики-чумазики
Закрыться не хотят!

Свернув мечты в комочки,
Встречают дети ночку,
Мягка у них подушка,
Упругая кровать...
И глазки закрывают,
И ласки вспоминают,
И будут до рассвета
Под одеялом спать.

А внучика в постели
Обнимет мягкий шмелик,
Про уши Чебурашки
Припомнится мотив,
А Карлсон спит на крыше,
Пожалуйста, потише,
Наш будущий мужчина
Уже спокойно спит.

КОЗЕЛ И ПИАР

Басня

*«...В Сургут пришел Черный Пиар...» —
«Новый город» 2001г.*

Чем озабочен писучий народ? —
«Слив» компромата забил писсуар:
В городе бродит «зеленый» ПИАР
И не пускает Козла в огород.

Вместо того, чтобы живописать
Свой городок или свой мемуар,
Он притворяется черным — ПИАР,
И невозможно Козлу погулять.

Бедный Козёл! — ситуация зла,
Зря на «капусту» настырно глядит...
Драть бы его — поговорка велит,
Только Хозяин жалеет Козла.

Знает, окончатся «черные» дни,
Смолкнет ПИАР и писучий народ,
Вместе с Козлом он пойдет в огород,
И ... «нашинкуют капусты» они!

МИЛИЦЕЙСКИЙ ЛИЦЕЙ

Нет усов на лице —
Только светлый пушок
Да бровей напряженье тугое.
Ты в начале?
Иди в милицейский лицей —
Воспитай неприятье покоя!

А курсантам погоны, как крылья, идут,
Аксельбанты и форма в порядке...
Я прошу поиметь непременно в виду:
С ними можно гулять без оглядки.

Трепещи, преступивший мораль и закон, —
Без боязни под нож и под пули
Они смело шагнут, —
так напутствовал он,
Тот, чье имя несут —
Хисматуллин.

Будет чин и усы,
И наград звездопад,
Чистотою сердец не измерен...
Милицейский лицей —
Как архангелов ряд,
Тех, кто Родине
С юности верен!

ЯУН-ЛОР

Без особого в мыслях респекта,
Просто хаосу нужен отпор, —
Мне в сумятице минских проспектов
Вспоминается вдруг Яун-Лор.

Непогодой сибирскою прочен,
Где волны утешителен лад,
И простором и клюквой на кочках
Он смягчает измученный взгляд.

Этой ягодой темно-бордовой
Утишается сердца поскок...
А метро тонкой веткою новой
Перебрасывает на Восток.

Где вода белорусской криницы,
Будто зеркала синий упор,
Обрамленный в растенья-ресницы,
Как сибирский шаман — Яун-Лор.

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие	3
ИЗ ЦИКЛА «ПРОЛОГ»	4
«Источник вдохновения — Югра...»	4
Шутка	5
Поселок Пионерский советского района	6
Юность комсомольская	8
Переводчик	9
«От Сургута до Ханты-Мансийска...»	10
Лето в Югре	11
ИЗ ЦИКЛА «РОДИНА»	12
Ипостаси	12
Родина	13
Россия — Русь... ..	14
Триумфальные арки	15
Ностальгия	16
Поле	18
Лес	19
Цепь	20
Дожинки	21
Жемайтене	22
Таллинн	23
Карпаты	24
ИЗ ЦИКЛА «ПРОЛИВЫ»	25
Проливы	25
Море	27
Горькие итоги	28
Корттик	29
Походный барабан	30
Последняя гибель «Варяга»	31

Флот	32
День ВМФ	33
Адмирал.....	34

ИЗ ЦИКЛА «БЕЛАЯ ОРДА»

Павлодар	35
Джасыбай.....	36
Павлодарская мечеть	38
Песня кипчака	39

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТЬ»

Единство	40
Перед наступлением	42
Русские царевны	43
На поле Куликовом... ..	44
Плач по Европе	45
Юнкера	46
Славянский синдром	47
Медвежата	48
Русские «хибакуси»	49
Горе	50
Мелодии шарманки	51

ИЗ ЦИКЛА «ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА»

Начало войны	52
Погранполоса	53
Альпинисты 42-го года	54
Прямая наводка	55
Колокола Хатыни	57
Детские саночки	58
Триумф и Победа	59
Жолнежи	61
Ночной парад	62
Сатанинские балы	64
Демократия	66

Ровесники Победы	67
Пряжка	69
Солдаты	70
ИЗ ЦИКЛА «ВЗГЛЯДЫ»	71
«Над заставой богатырской...»	71
Радуница	72
Купальские венки	73
Племя	74
ИЗ ЦИКЛА «ШКОЛА»	75
Девушка и трубка	75
Теорема Пифагора	76
Лугальванда	77
ИЗ ЦИКЛА «КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ»	78
«Фетишизм — иностранное слово...»	78
«Балтикой названа белая...»	79
«Ты — красивая, ты — красивая!»	80
«Мы зависим от ласковых слов...»	81
Сказка	82
«Ты прекрасная...»	83
«Блаженны помнящие всё...»	84
Коллектор Оля	85
Зов	86
Ночь	87
ИЗ ЦИКЛА «ДУХОВНАЯ ЛИРИКА»	88
Революция веры	88
Икона	89
«Сказкой рождественской ночь ворожила...»	90
Вербное воскресенье	91
Пасха	92
Старообрядцы	93
«Ни креста, ни ярма...»	94

ИЗ ЦИКЛА «ЗАПАХИ ДЕТСТВА»	95
Запахи детства	95
Зимняя Русь	96
Кедр	97
Тополь и березка	98
Речки.....	99
Березонька	100
Промысел	101
Подушка.....	102
Велосипед	103
РАЙ И АД ЛЮБВИ	104
Магистрал.....	104
Сонет № 1	105
Сонет № 4	106
Сонет № 10	107
Сонет № 13	108
Сонет № 14	109
Дон Жуан	110
Арбузы	111
Лешие	112
Платье	113
ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВОПРОХОДЦЫ»	114
Заблудившаяся буровая	114
Геологи	116
Геологиня	117
Созидатели	118
Сухопутный моряк.....	119
Генерал	120
Номо neftyanikus.....	121
ИЗ ЦИКЛА «ПУШКИНИАНА»	122
Пушкин — в нас!	122
Ссылка на юг.....	123

Дуэль	124
Пушкин — с нами	125
Современная сказка	126
Предложение	128
Пушкин	129

ИЗ ЦИКЛА «ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД» ..130

Единственный город.....	130
«Догорает закат...»	131
Ветераны	132
Биматериковость	133
Устои морали	134
Витязь	135
Прототип	137
Ледоход	138
Русские поляны.....	139
Тарко-Сале	140
Тайны Гималаев	141
Школьная любовь	142
Убитые волки	143
Мечь	144
Русалки	145

ИЗ ЦИКЛА «БУЛЬВАР ПИСАТЕЛЕЙ»146

Библиофил	146
«Мимо идешь, улыбаясь...»	147
Русская изба	148
Бульвар писателей	149
Комсомольский проспект	150
«В шелка одета настоящие...»	151
Сила духа	152
«Ни словами, ни жестами...»	153
«Она обнимала его и ласкала...»	154
«Я в Сургуте, и я вас хочу...»	155

ИЗ ЦИКЛА: «ДОРОГА»	156
Дорога	156
Поезд «Благовещенск-Москва»	157
Зимние города	158
Дорога домой.....	159
«От Сургута до Ханты-Мансийска...»	160
Декаданс	161

ИЗ ЦИКЛА

«ТАЙНОЕ МУЗЫ ПРИСТРАСТЬЕ»	162
Алаверды Олегу.....	162
Рай и ад	163
Начало государства	164
Колыбельная.....	166
Козел и пиар	167
Милицейский лицей.....	168
Яун-лор	169

Ешимов
Георгий Карожанович

Югорские строфы
Избранные стихотворения

Редактор Ю. Вихров
Корректор В. Ананина
Техредактор А. Поляков

Сдано в набор 20 августа 2007 г.
Подписано в печать 3 сентября 2007 г.
Формат 70х90 1/32. Объем 11 п.л.
Тираж 300 экз. Бумага офсетная.

Издатель — Независимое литературное агентство
(«Московский Парнас»
123995, М., Поварская ул., 52, оф. 24,
тел. 291-6341)

020452008

Государственная библиотека Югры

